SALUDAMOS
EL 1º DE MAYO
NUESTRA TAREA HOY,
CON UN GOBIERNO
SOCIALISTA EN EL PODER
ES ORGANIZAR LA
EMULACION

РОВЕСНИК

5
1976

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Май, 1976 год, № 5

На первой странице обложки: первомайская демонстрация на Кубе, в колонне — учителя. Впрочем, это ясно с первого взгляда, не так ли? По карандашам в их руках.
Фото Л. Шерстенникова.

2. **А. Козлов.** БОЙ, КОТОРЫЙ ОН ВЫИГРАЛ
4. **Ю. Азаров.** НЕУЖЕЛИ Я ВЗРОСЛЫЙ?
6. **А. Асаркан, И. Гаврилов.** ...ПОТОМУ ЧТО СЕГОДНЯ ЧЕТВЕРГ
11. **Луис Альберто Корвалан.** ВРЕМЯ ДЛИННЫХ ПИСЕМ
14. **Елена Смольская.** ЖИТЬ НА «ДИНАМИТНОМ ХОЛМЕ»...
17. **Элени Пайдусси.** АВТОБИОГРАФИЯ В ВОСЕМЬ ЛЕТ
18. **В. Настасьин.** НИКОС ВЫБРАЛ ПРОФЕССИЮ
19. **Роберт Поль Смит.** — КУДА ТЫ ХОДИЛ? — ГУЛЯТЬ — ЧТО ТЫ ДЕЛАЛ? — НИЧЕГО
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. **Мария Грипе.** МЕДАЛЬ ЗА ПАМЯТЬ О ДЕТСТВЕ

«НЕУЖЕЛИ Я ВЗРОСЛЫЙ?»

и другие материалы о том, что делает из ребенка взрослого; о том, что позволяет взрослому сохранить в себе детство.

ВАЛЬПАРАИСО. Стоимость обучения в местном «Университете Чили» за последние два с половиной года возросла настолько, что в текущем учебном году 130 студентов различных курсов вынуждены были покинуть его стены.

КАЛЬЯРИ. НАТО и напрямую Пентагон продолжают расширять свое присутствие в Италии. Атомные бомбардировщики в Сигонелле, ракеты в Виченце и районе Пизы, военно-морские базы в Специи, Неаполе и Аугусте. Наконец, крупнейшая средиземноморская база, предоставленная в распоряжение 6-го американского оперативного флота, на острове Маддалена. Сюда для ремонта и заправки заходят атомные подводные лодки. Кроме очевидной опасности, которую несут эти базы для Италии в случае возникновения военного конфликта, реально существует и со временем становится все очевиднее опасность радиоактивного заражения прибрежных вод. Демократическая Италия, профсоюзы, молодежь ведут активную борьбу в поддержку принципов безопасности в Европе, борьбу против планов расширения опасного присутствия НАТО на территории страны.

На снимке: жители столицы острова Сардиния протестуют против планов НАТО: «Нет! — базе НАТО на нашем острове!», «Нет!» — развитию «по-маддаленски»!», «Да!» — настоящему экономическому развитию острова!»

ПАНАМА. Полмиллиона панамцев учатся в различных учебных заведениях страны. Это означает, что каждый третий охвачен постоянно расширяющейся национальной системой просвещения.

В настоящее время, заявил министр образования Панамы Аристидес Рохо, речь идет не только о предоставлении населению более широких возможностей для получения образования, но и о воспитании национальных кадров, позволяющих обеспечить независимое развитие.

С этой целью правительство проводит перестройку системы просвещения, открывает школы с трудовым обучением, создает региональные центры-интернаты, содействует работе народных университетов. При помощи общественности претворяется в жизнь программа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

НЬЮ-ЙОРК. По сообщению газеты «Дейли уорлд», в конце прошлого года серьезным сокращениям подверглись бюджетные ассигнования Нью-Йоркского университета. В ответ на студенческие требования увеличить субсидии власти пригрозили, что станут покрывать их нехватку за счет увеличения платы за обучение.

На снимке: демонстрация студентов и преподавателей. «Банки атакуют университеты» — предупреждают плакаты.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

МОСКВА. В советских вузах ныне обучаются 20 тысяч студентов из социалистических стран, сообщили нам в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР. За последние годы все большее их количество избирает своей специальностью такие направления науки, как ядерная физика, электроника, кибернетика, счетные машины.

Самыми первыми заграничными студентами нашей страны были монгольские юноши и девушки в 1920 году. С тех пор советские вузы подготовили для социалистических стран 50 тысяч специалистов различного профиля.

ТОКИО. Здесь закончила работу юбилейная конференция Лиги социалистической молодежи Японии, посвященная пятнадцатой годовщине организации.

Около двух тысяч делегатов, собравшихся со всех концов страны, обсуждали в подкомиссиях актуальные задачи борьбы за права трудящейся молодежи в условиях острого экономического кризиса. В заключительный день работы конференции на пленарном заседании были подведены ее итоги.

Особое внимание было уделено вопросам усиления идеологической работы лиги, воспитания рабочей молодежи в духе принципов марксизма-ленинизма.

ГАВАНА. I съезд Коммунистической партии Кубы в числе других принял резолюцию о проведении XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване летом 1978 года.

В документе выражена признательность за высокое доверие, оказанное народу и молодежи Кубы молодежным антиимпериалистическим и демократическим международным движением, избравшим Кубу местом проведения очередного молодежного форума.

Проведение XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов совпадает с 25-й годовщиной штурма группой молодых патриотов во главе с Фиделем Кастро казарм Монкада, который открыл новую эру в революционной борьбе кубинского народа.

«Предстоящий фестиваль — первый в Латинской Америке — впишет еще одну блестящую страницу в замечательную историю проведения этих высших, самых представительных форумов молодежи. Он станет смотром молодого поколения борцов за мир во всем мире, против империализма, колониализма и расизма, явится мощным стимулом для всего нашего народа в успешном строительстве нового общества».

ХАНОЙ. С начала нового учебного года на юге Вьетнама открылось две тысячи средних школ, в которых учатся 900 тысяч учеников. Общее количество школьников, студентов и учащихся техникумов во Вьетнаме превышает ныне семь миллионов человек.

На снимке: прием в члены пионерской организации имени Хо Ши Мина в одной из школ города Дананга.

ВАРШАВА. С начала 1976 года дважды в месяц польское телевидение транслирует передачи из цикла «Решение пятнадцатилетних». Передачи цикла призваны помочь ученикам старших классов в выборе их будущей специальности.

БУДАПЕШТ. Исполком Всемирной федерации демократической молодежи призвал молодежь мира активно бороться за прекращение гонки вооружений, за разоружение.

В документе, принятом Исполкомом, говорится, что новые позитивные изменения в международной жизни, характеризующиеся поворотом от периода «холодной войны» к периоду разрядки, открыли широкие перспективы упрочения мира и международной безопасности.

Эти важные достижения являются результатом последовательной и настойчивой миролюбивой политики Советского Союза и других социалистическх стран, успехов борьбы рабочего класса и демократических сил в капиталистических странах, национально-освободительных движений, всех миролюбивых сил.

Успешное завершение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписанный на нем Заключительный акт имеют большое значение для оздоровления климата в Европе и в других частях мира, создают новые возможности для решения важных задач нашей эпохи — установления прочного мира и безопасности на планете.

Прогрессивная и демократическая молодежь мира, подчеркивает Исполком ВФДМ, должна и дальше активно выступать за развитие и углубление процесса разрядки и разоружения, за мир, безопасность и сотрудничество.

БЕРЛИН. В одном из новых районов столицы ГДР открылись школы имени Сальвадора Альенде и Пабло Неруды. Ребята, которые учатся в них, приняли обязательства работать и учиться так, чтобы быть достойными имен, которые носят их школы. Они участвуют в кампании по сбору подписей за освобождение Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана, организуют митинги в защиту чилийских патриотов. Пионеры школы помогают и заботятся о своих друзьях и одноклассниках — молодых чилийцах, новой родиной которых стала ГДР.

На снимке: пионеры берлинской школы имени Сальвадора Альенде.

СОБРАВШИСЬ НА СВОЙ СЪЕЗД, МЫ, СОВЕТСКИЕ КОММУНИСТЫ, ШЛЕМ БОЕВОЙ ПРИВЕТ И ПОЖЕЛАНИЯ УСПЕХОВ НАШИМ ТОВАРИЩАМ И ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМ ЗА РУБЕЖОМ. И В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ МЫ ОБРАЩАЕМ НАШЕ СЛОВО СОЛИДАРНОСТИ К КОММУНИСТАМ, БОРЮЩИМСЯ В ТЯЖЕЛЫХ УСЛОВИЯХ ПОДПОЛЬЯ. МЫ ОБРАЩАЕМСЯ КО ВСЕМ БОРЦАМ ЗА ДЕЛО ТРУДЯЩИХСЯ, К ТЕМ, КТО КАЖДОДНЕВНО ПОДВЕРГАЕТ СВОЮ ЖИЗНЬ ОПАСНОСТИ И, НЕСМОТРЯ НА ЛЮБЫЕ ИСПЫТАНИЯ, ОСТАЕТСЯ ВЕРЕН СВОИМ ИДЕАЛАМ И СВОЕМУ ДОЛГУ. СОТНИ, ТЫСЯЧИ БОРЦОВ ЗА СВОБОДУ ЗАКЛЮЧЕНЫ В ТЮРЬМЫ И КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ В ЧИЛИ, УРУГВАЕ, ПАРАГВАЕ, ИНДОНЕЗИИ, БРАЗИЛИИ, ГВАТЕМАЛЕ, ГАИТИ, ЮЖНОЙ АФРИКЕ И ДРУГИХ СТРАНАХ. МНОГИЕ КОММУНИСТЫ ОТДАЛИ ЖИЗНЬ ЗА ДЕЛО РЕВОЛЮЦИИ.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде партии

БОЙ, КОТОРЫЙ ОН ВЫИГРАЛ

А. КОЗЛОВ

Эту историю, такую трагичную и такую обычную для Гватемалы, мне рассказали по частям. Я встречался в Москве с ее героем, а после его гибели — с его товарищами и соратниками. По вполне понятным причинам, связанным с условиями борьбы гватемальских революционеров, настоящие имена героев этого очерка здесь не приводятся.

...Перестрелка неожиданно оборвалась, и наступила зловещая тишина. Стало слышно, как вдалеке, на центральных улицах города, шумят машины. Полицейские подождали еще немного — выстрелов не было — и с опаской вошли в дом. Через некоторое время они вынесли оттуда двоих. Один был мертв, другой еще жив. Его несли к машине, и на асфальте оставался кровавый след.

Ветер с гор шевелил черные растрепанные кудри, обрамлявшие молодое бледное лицо. Кровь из раны уже не выплескивалась упругими толчками, а струилась угасающим ручейком. Он чувствовал, что умирает. А глаза всматривались в бесконечную высь. Казалось, он к чему-то прислушивается...

Он и в самом деле видел то, чего никто не видел, и слышал то, чего никто не слышал. Он видел невысокого полноватого человека в очках, и слышал его легкие поспешные шаги, и все думал, успел ли этот человек уйти достаточно далеко.

Его бросили в полицейский фургон. Дверцы клацнули, точно челюсти, и машина понеслась по улицам гватемальской столицы, залитым ослепительным тропическим солнцем...

Ах, Хосе, Хосе, как же это случилось? Как же не уберег ты себя? Ведь жизнь научила тебя и осторожности, и предусмотрительности, и хладнокровию; столько раз ты выпутывался из, казалось бы, безвыходных положений. Неужели в этот раз ничего нельзя было придумать, неужели нельзя было избежать этой перестрелки?

...Луис дремал на диване. Хосе Альварес сидел на стуле у окна и ждал, что скажет тот самый невысокий и полный человек в очках, сидевший за письменным столом, заваленным бумагами и книгами. Тот оторвался от рукописи и сейчас растирал шею и грудь; лицо его побледнело. «Только бы не новый приступ», — твердил про себя Хосе. У него каждый раз сжималось сердце, когда этот человек, обладающий огромной энергией и волей, менялся в лице и становился беспомощным, как ребенок. И всегда в таких случаях Хосе вспоминал, как много и яростно, не зная, что такое отдых, работал этот человек.

Хосе называл его Учителем. Если отец и мать дали Хосе жизнь и вырастили его справедливым и мужественным, то этот человек открыл ему глаза на мир, научил не только отличать справедливость, но и бороться за нее. Хосе испытывал к нему нежное, сыновнее чувство. Может быть, еще и потому, что был обязан ему жизнью...

Однажды Хосе с двумя товарищами поздно ночью возвращался в столицу на машине. Впереди уже показалось зарево города, как вдруг на повороте ослепительно вспыхнули фары встречной машины. Автомобиль с Хосе выскочил на обочину и перевернулся... Очнулся Хосе в больнице. В коридоре дежурил полицейский. Дорожная полиция, которая подобрала их в бессознательном состоянии, нашла в машине оружие. Но если бы полицейские догадались, кто к ним попал в руки, они не стали бы церемониться и тотчас же увезли бы Хосе на допрос. Его давно искала тайная полиция.

Узнав о происшествии, Учитель отложил в сторону все дела, сам разработал план спасения. Он лично следил за ходом операции, и наконец пришло радостное сообщение: «Дети у бабушки. Они здоровы и обнимают вас».

...Хосе смотрел на Учителя, и ему было жаль этого усталого, больного, дорогого его сердцу человека, который не щадил себя ради других. Вдруг Учитель поднял голову и посмотрел на Хосе. С улицы донесся шум. Взглянув из-за занавески в окно, Хосе увидел полицейскую машину. Он тут же растолкал дремавшего Луиса и сказал, чтобы тот вместе с Учителем постарался уйти черным ходом, сам же прошел в соседнюю комнату и стал у окна. Не спеша вытащил пистолет, проверил его. На всякий случай. Он все же надеялся, что обойдется без стрельбы.

Луис, отправившийся на разведку, вернулся тотчас же и сообщил, что бежать поздно — дом окружен. Хосе молча смотрел сквозь щель в шторах на полицейских, направлявшихся прямо к дому. Надо было принимать решение, медлить нельзя. Но надежда, что все еще, может, обойдется, не покидала его. Он уже побывал однажды в такой же примерно переделке. Как-то вечером он с Учителем находился на другой конспиративной квартире, когда неожиданно раздался громкий стук в дверь. Хосе разглядел в глазок трех полицейских; ясно было, что это обычная проверка, да, в конце концов, их и было всего трое. Коротко посовещавшись с Учителем, Хосе впустил их. Пока полицейские ходили из комнаты в комнату, заглядывая во все углы, Учитель выбрался в окно. Рядом стояла вилла в лесах — там шел ремонт. Учитель был не только поэтом, философом, государственным деятелем; он был прирожденным конспиратором, профессиональным подпольщиком. Он ухитрился спрятаться на лесах. Полицейские тщательно обшарили весь дом, подвал, двор, гараж, осмотрели и леса, но, так и не найдя ничего подозрительного, ушли. Назад Учителю нельзя было возвращаться — могла быть оставлена засада, и он влез в окно виллы. Так никто и не знает, как объяснил он незнакомым людям свое появление, сам он потом никогда не говорил об этом. Во всяком случае, когда полиция уехала, он преспокойно вышел из подъезда дома и скрылся в ночи...

Но сейчас Хосе было ясно, что полицию впускать нельзя. Средь бела дня спрятаться или незаметно выйти из дома невозможно. Оставаться тоже нельзя: полиция знала Учителя в лицо; его, впрочем, знали многие. За ним охотилась не только тайная полиция Гватемалы, но и Центральное разведывательное управление США. Ни Хосе, ни Луис не могли допустить, чтобы его схватили.

Хосе принял решение. Он поднял пистолет и выстрелил. Полицейские бросились наземь. Он выстрелил еще раз. Пуля с визгом отскочила от мостовой. Полицейские вскочили и отбежали к машине. Только оказавшись под ее прикрытием, они открыли яростный огонь из автоматов по окнам. Зазвенели разбитые стекла, посыпалась штукатурка, разлетелось вдребезги зеркало на стене, и мелкие сверкающие осколки усыпали пол. Запахло порохом и известкой.

Полицейские пытались рассредоточиться, чтобы обстреливать дом с разных сторон. Но Хосе и Луис меткими выстрелами каждый раз загоняли их обратно за автомобиль. Они понимали, что долго не продержатся. Но пока ничего другого им не оставалось. Тут они увидели, как двое полицейских, которые стерегли дом со двора, подбежали к машине и присоединились к остальным. Ошибка полицейских приоткрывала им путь к отступлению.

— Бегите, не теряйте ни секунды! — крикнул Хосе Учителю и Луису, не сводя глаз с полицейских за машиной, которые вдруг прекратили стрельбу и подозрительно затихли.

Это был критический момент боя. Обстановка, похоже, стала ясной как нападавшим, так и оборонявшимся. Полицейские, очевидно, поняли, что им противостоят лишь несколько пистолетов, и наверняка готовились к решающему броску. Под прикрытием сильного огня они могли рассчитывать взять дом приступом без особого риска. Им оставалось лишь преодолеть страх...

Хосе прекрасно понимал цену этих мгновений, а потому решение принял не колеблясь: двое должны уйти, а он остаться. Он добровольно лишал себя последнего шанса...

Я ловлю себя на мысли, что невольно ищу в этой сложной, безвыходной ситуации хотя бы малейшую возможность для спасения Хосе, думаю о том, все ли он использовал, все ли сделал как нужно.

Рис. Г. Филипповского

Хосе, Хосе, а вдруг все-таки был еще шанс, полшанса?.. И все могло быть сейчас по-иному? Мы снова бродили бы по арбатским переулкам, слушали бы, как скрипит под ногами снег, а то сидели бы у меня дома, в тепле, и слушали музыку, и ты говорил бы: «Никто так не передал ощущение снега, как Чайковский: его легкость, холодность, звонкую грусть». Тебе, человеку южному, почему-то особенно нравился снег. Подвязав хозяйкин фартук, ты варил бы кофе по-креольски и рассказывал о своей матери. Ты заезжал к ней, как всегда, ненадолго, так как вечно куда-нибудь спешил, а она не могла привыкнуть к этому и тихо плакала. Мать вставала на рассвете, чтобы испечь тебе лепешки-тортильи на дорогу. Брала маис, варила его, добавив немного мелу, а потом, когда клейкая масса остывала, ехала на мельницу и молола ее. Вернувшись домой, она старательно месила ее руками, отмеряя ладонью тортильи, кладя их на раскаленный глиняный противень. Ты лежал на кровати и смотрел, как она легким прикосновением пальцев переворачивает пышные, высокие и румяные тортильи. Они выходили маленькие, нежные, как материнская ладонь. И такие вкусные! Она заворачивала их в чистую тряпицу, чтобы подольше не остывали, и клала вместе с солью в плетеную корзинку. Она знала, что ты любишь тортильи с солью, как твой рано умерший отец.

О себе же ты всегда рассказывал скупо. Только раз приоткрылся, сказал, отчего ноет душа: «Хорошая была девушка. Но вряд ли у нас могло что-нибудь получиться. Я сказал ей об этом прямо. Я сказал, чтобы она ушла. Она ушла. И правильно сделала. Какой из меня семьянин...»

В твоих словах была горечь утраты, но все же ты никогда не сомневался в правильности сделанного. Это было первое, что тогда поразило меня в тебе. В ущерб себе ты отказывался от того, что другие считают своим по праву. А ведь я знаю: ты не был аскетом, наоборот — ты был жизнелюб по натуре. Просто твоя легкоранимая душа не очерствела и не озлобилась, хотя вокруг было столько жестокости, крови, лжи и лицемерия, подлости и предательства. Ты не хотел, чтобы из-за тебя страдал дорогой человек, и отводил от него возможное в будущем горе, предчувствуя, что в такой борьбе может всякое случиться.

«У нас в Гватемале слишком много горя, — говорил ты. — Немало моих товарищей, которых я хорошо знал, попало в руки полиции. О них с тех пор ни слуху ни духу, и никто из родных и близких даже не знает, где их могилы, чтобы поплакать над ними. В горах встречаются груды костей, скрученных проволокой, кандалами, проводами, цепями. Это тоже безымянные братские могилы — без памятников, без крестов, без имен, и некому оплакать убитых, кроме ветра и дождя».

Ты не щадил себя, чтобы стало меньше горя на твоей родине. В Москве тебе было хорошо, я это видел. У тебя были друзья. Но когда тебе предложили остаться учиться — да, ты мечтал об этом, — ты подумал и отказался. Уехал. В Гватемалу, где тебя ждали, где было тяжко, где ты был нужен. Поехал окольными путями, тайно перебираясь через границы, с помощью пастухов, крестьян, рыбаков, рискуя где-нибудь погибнуть случайно, глупо. Помнится, я сказал тебе об этом прямо. Но ты ответил так, будто тысячу раз все обдумал и давно решил про себя:

«А умных смертей не бывает. Всякая смерть глупа. Она приходит всегда в самый неподходящий момент, всегда застает человека в пути. Хорошо, если в самом конце или хотя бы в середине, и плохо, когда в начале пути. Но все же это лучше, чем медленная деградация...»

Потом ты стал перечислять имена известных и безвестных героев, поэтов, революционеров, которые погибли в самом начале или в середине пути, но все же успели оставить по себе добрую память в сердцах людей.

...Хосе действовал решительно, смело и логично. Несмотря на превосходство полицейских в числе, он сумел навязать им свою волю и заставил их делать то, что ему было нужно. В безнадежном на первый взгляд положении он поднял такую стрельбу, будто собирался вести бесконечную войну. Такую стрельбу, что на нее сбежались и те полицейские, которые обязаны были стеречь двор. Этого и добивался Хосе. Когда путь через черный ход был открыт, он велел Луису уходить вместе с Учителем. (Ему во что бы то ни стало надо было уйти — того требовали интересы их общего дела, того требовали и решения их организации.) Учителю удалось незамеченным выскользнуть из дома, перелезть через стену во двор соседней виллы — и так, перебираясь через заборы, он уходил все дальше от места, где разыгралась неравная схватка. А Хосе остался, чтобы выиграть время, чтобы дать ему уйти как можно дальше.

Хосе и в одиночку мог выиграть несколько спасительных минут, но их могло не хватить. Луис подумал об этом и остался — чтобы вдвоем выиграть вдвое, а может, втрое больше времени. И они выбивали у смерти драгоценные секунды — столько, сколько могли. Они знали цену этим секундам.

Первым упал Луис. Хосе бросился к нему, но Луис был убит наповал — пуля попала в висок. Хосе поднял его пистолет и, перебегая от окна к окну, стрелял, стараясь не дать полицейским проникнуть во двор и броситься по следу Учителя.

Но и в этот критический момент он, я знаю, не терял надежды, чутко ловил приближение того мгновения, когда сможет броситься вниз по лестнице, во двор, перемахнуть через стену и бежать, бежать... Пусть-ка попробуют поймать. Он отчетливо представлял себе каждое свое движение, каждое усилие, скорость и стремительность бега, не бега, полета к свободе.

Но острая, беспощадная боль вонзилась в грудь. Пол качнулся и стал быстро-быстро падать вверх, вот он уже у самых глаз, сверкают, как снег, мелкие осколки стекла. Ноги и руки вдруг стали ватными, слабость разлилась по всему телу. Хосе стало страшно: а вдруг не успел Учитель?..

Выстрелы стихли. Наступила зловещая тишина. Он услышал крадущиеся шаги, скрип деревянной лестницы, увидел два бледных лица и хотел поднять пистолет, но рука не слушалась. Полицейские осмелели и подошли вплотную. Теперь он видел только их ноги. Постояв около него и Луиса, они принялись деловито расхаживать по комнатам, шарить по ящикам и шкафам, распихивать что-то по карманам, суетясь, как воры. Потом один высунулся из окна и крикнул:

— Сеньор лейтенант, тут только двое.

Хосе почувствовал, как его тащат по лестнице, но ему уже не было больно.

Его окружили полицейские. Хосе поискал глазами Учителя. Не увидев его, ощутил облегчение. Он не простил бы себе, если бы Учителя схватили. Сейчас же он себя ни в чем не упрекал и ни о чем не жалел. Он сделал что мог, и совесть его была чиста и перед собой, и перед товарищами. Это было главное, и ему было от этого хорошо, хотя и умирал он в начале своего пути.

Он был еще жив, когда его доставили в сумрачное здание. Его арест взбудоражил все полицейское управление. Злорадству не было границ. Еще бы, за ним охотились столько лет. Были вызваны самые искусные врачи, чтобы не дать Хосе умереть слишком рано, чтобы попытаться вырвать из него признания: полицейским нужны были имена, явки, пароли. Его пытали на смертном одре. Он молчал до конца.

НЕУЖЕЛИ Я ВЗРОСЛЫЙ?

Инфантилен ли Дон-Кихот! Иногда я и сейчас задаю себе этот вопрос, хотя мне уже больше сорока. Не смейтесь, пожалуйста. Детство для меня — синоним творчества, неукротимого стремления к самостоятельности, время удивительных открытий, непосредственности, прекрасной весенней раскованности. Детскость, как и творческость (такие термины употребляют зарубежные психологи), — это, если хотите, даже не возраст, а скорее особое психическое состояние человека, открывающего для себя вечно обновляющийся мир. В нем могучая тайна неиссякаемости человеческой энергии, бесконечная одухотворенность и сокровенность надежд человека.

Есть, конечно, в детстве и другая сторона — беспомощность, капризность, своеволие, недомыслие, некоторая хвастливость и то, что принято называть инфантилизмом.

Для меня Дон-Кихот — воплощение прекрасной детскости. Для него нет вопроса: сражаться или не сражаться. Он не так ставит проблему. Она в его воспаленной, восхитительной, именно дон-кихотской голове ставится так: если есть зло, надо сражаться. Когда в человеке просыпается Дон-Кихот («Дайте мне копье и шпагу, я уничтожу врагов, даже если они — эти враги — ветряные мельницы!») — это, однако, вовсе не свидетельство его беспомощности или инфантилизма. Это скорее проявление неутраченной детскости, юности, той прекрасной смелости, без которых не может быть утверждения высоких нравственных идеалов.

И, заметьте, как прекрасно и чисто влюбляется Дон-Кихот! На Дульцинее у него действительно сошелся свет клином. Ибо любовь и красота — это то, без чего не может быть настоящего идеала. А детство всегда состояние некоторой влюбленности, томительное счастье ожидания любви, дружбы, совершенно идеальных форм товарищества.

Наши зарубежные друзья, авторы этого номера, справедливо отмечают, что от того, каким было детство, зависит вся дальнейшая судьба человека. Но это, конечно, не та прямая зависимость, следуя которой можно было бы утверждать, что если детство было жестокое, то и человек будет жестоким.

Помните, как Чехов в юности, почти в детстве, однажды утром проснулся и ощутил себя совсем другим человеком, не мелочным и униженно-подленьким, угождающим всем, а человеком, которому вдруг нестерпимо понадобилось сбросить с себя противные одежды своего омерзения, своего прежнего «я». Считаю, что именно в это прекрасное утро и родился подлинный Чехов, родился взрослый человек, сохранивший навсегда всю прелесть и все достоинства творческой детскости. Родился великий гражданин страны.

А разве можно представить себе Пушкина, который для многих наших современников является идеалом Человека, без той удивительной легкости общения, без каскадов его непосредственных и светящихся остроумием и талантливостью шуток, без игры фантазии и воображения! И как гармонично сочетались в поэте — еще в детские годы — детская взбалмошная беззаботность с подлинной высокой гражданственностью. Вижу я рядом с ним унылые фигуры чиновников, с лицами, похожими, как замечал Гоголь, на плохо выпеченный хлеб, презиравшими детскую взволнованность поэта, и заключаю для себя: «У них не было детства. У них была преждевременная овзрословленность...» Стоп!

Вот где загадка на тему, что такое взросление. Детскость и овзрословленность. Детскость и преждевременное старение. Преждевременная, скучная, серо-тоскливая, расчетливая юная старость.

...Их лысые головы блестели, словно спелые дыни на солнце, на которых, как сострили однажды известные юмористы, так и хотелось написать какое-нибудь слово химическим карандашом.

Владельцам «антипричесок» было по пятнадцать лет. И сбрили они свои кудри отчасти в качестве вызова, а отчасти — с намерением утвердить новый стиль.

И о чем бы я ни говорил с этими ребятами, они упрямо твердили: «Нет справедливости на земле». И когда я настаивал на том, чтобы мне объяснили, в чем же несправедливость, — они бодали воздух крутизной своих бритых голов и замечали: «Нас ругали, когда у нас были длинные волосы, теперь называют сумасшедшими за то, что нет волос!»

на стр. 10 ▶

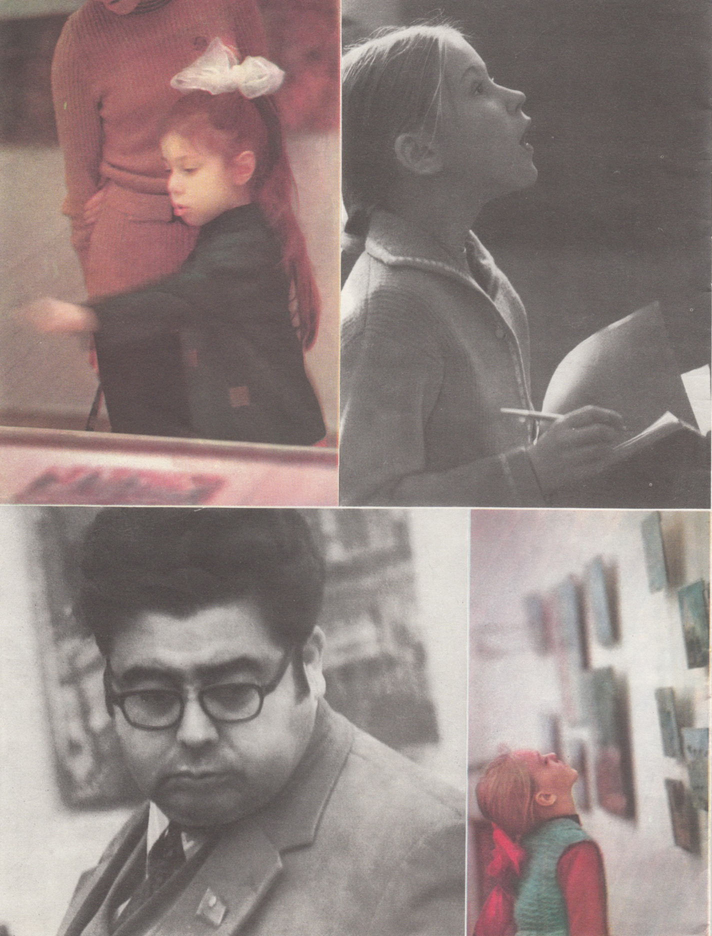
— С ним дружить! — говорит девятиклассница своей подруге. — Ну, этот же несовременен. Какая прическа, а эти старомодные штаны! Неужели не мог сам расклешить!

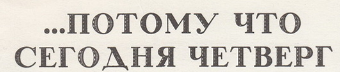
И не замечает в парне иные достоинства — его настоящую увлеченность кибернетикой, поэзией, — ему и дела нет до штанов, до своей внешности. А в этой девятикласснице сидит, видимо, заскорузлый, унылый чиновник, презирающий детскую влюбленность Дон-Кихота.

— Защитить товарища! Выступить против несправедливости! — рассуждает десятиклассник. — Да я не такой дурак, чтобы лезть на рожон. Мне еще экзамены выпускные сдавать: рано ссориться с педагогами.

И в этом парне сидит та же преждевременная чиновничья «овзросленность».

Под «разными небесами» люди взрослеют по-разному, но во всех уголках Земли взросление сводится к одному — к становлению Человека. А пути этого становления каждый раз свои.

...ПОТОМУ ЧТО СЕГОДНЯ ЧЕТВЕРГ

А. АСАРКАН
Фото И. ГАВРИЛОВА

Вот, вот, всматривайтесь в эти картинки поближе, водите по ним носом, попытайтесь заглянуть за них, просверлите стену — надо же наконец узнать, куда деваются эти дети после своего детства, после нескольких лет гениального рисования. Одни — в академики, герои, мореплаватели, плотники. Другие... Железные кибернетики, уставившие очки в кроссворд, расторопные калымщики и соображающие на троих «философы», скандальные домохозяйки, объявляющие городу и миру, что кассирша им испортила настроение, — но не художники, нет, ни по профессии (такие, впрочем, вообще не в счет), ни по духу. А в прошлом у них такая же нежность, чуткость, независимость взгляда и мысли при классической упорядоченности формы (назовем это чувством художественного приличия: рисующие дети отказываются от многих соблазнов, которым так слабодушно поддаются взрослые, маскирующие свою несмелость), такое же инстинктивное благородство, как у этих, поголовно умных, талантливых и честных (хотя, наверное, за пределами рисования — дома, в школе, на улице — они не таковы, или таковы же, но в формах, не столь приятных для глаза и более трудных для понимания), куда что все подевалось?

Человек с черными усами (искусствовед, я полагаю) сказал: — Дети рисуют, чтобы передать в рисунке то, что не могут выразить словами.

Ну вот и смотрите. Угадывайте. Эта всемирная выставка — неиссякаемый источник для размышлений. Там есть рисунки и на заданную тему, есть сделанные под руководством — и все равно в каждом — тайна. Миллионы уникальных подлинников день за днем изготовляются за кухонными столами («Сдвигай своe рисование, обедать пора») или в специальных «студиях» бескорыстно, беспричинно и без всяких амбиций — просто потому, что сегодня четверг.

«И мы всех поздравим и пожелаем им Очень Приятного Четверга.

— А что, собственно, произойдет в Четверг? — спросил Кролик».

Но надо сначала объяснить всемирность. 5 сентября 1974 года редакция газеты «Пионерская правда» (совместно с ЦК ВЛКСМ, Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, ВЦСПС, Министерством культуры, Министерством просвещения, Союзом художников и Академией художеств СССР) объявила, уже в третий раз, международный конкурс детского рисунка под девизом «Я вижу мир». За год было получено 300 тысяч рисунков из 75 стран. Два месяца шел отбор. Полторы тысячи составили выставку, показанную этой зимой в

Москве, в Академии художеств, потом в Русском музее в Ленинграде и так далее — она еще и сейчас где-то путешествует. Здесь вы видите снимки, сделанные на выставке в Москве. «Рисунки, не прошедшие на эту выставку, — сообщают устроители, — стали экспонатами других выставок, которые мы организовали в школах Москвы и других городов, в московских кинотеатрах, часть рисунков отправлена на выставки в Грецию, ФРГ, Японию, Австралию». Грандиозное предприятие, как видите. Ему можно было бы посвятить полный номер журнала. С другой стороны, детям об этом лучше не знать — это непедагогично, они начнут воображать и, чего доброго, будут сами писать статьи о своем творчестве, лишив нас последних иллюзий насчет них и насчет самих себя. Было время, когда с детьми занимались рисованием педагоги, желавшие возможно скорее привить им «правильные навыки»; теперь это считается насилием над природой, педагоги поощряют детей к созданию собственного мира и только осторожно помогают им сохранять достигнутый уровень (поскольку есть дети, которые убегают от трудностей в свое еще более раннее детство), современная наука сформулировала все, так сказать, технические законы детского рисования и располагает огромным запасом психологических наблюдений с массой спорных и бесспорных истолкований («на большинстве детских рисунков нарисовано солнце, — пишут организаторы выставки, — и чем младше художник, тем оно ярче...» — пусть так), — а тем временем дети на кухнях и в студиях, на каменных стенах и песчаных отмелях рисуют просто так, как у них получается. В странах тропических и полярных получается у них все почти одинаково (вы всегда опознаете детский рисунок), а в одной комнате у двух детей из одной семьи и при прочих равных условиях получается все невероятно разнообразно, оригинально, индивидуально. Нарисованы предметы окружающего мира, но ни один не «срисован» — все изобретено, все извлечено из самого творческого процесса; в их глазах не «натура», а берег очарованный и очарованная даль. Как величайшие художники всех времен и народов, они не выразили бы это словами, даже если бы и могли.

«— Кролик, он умный! — сказал Пух в раздумье.

— Да, — сказал Пятачок, — Кролик, он хитрый!

— У него настоящие Мозги.

— Да, — сказал Пятачок, — у Кролика настоящие Мозги.

Наступило долгое молчание.

— Наверно, поэтому, — сказал наконец Пух, — наверно, поэтому-то он никогда ничего не понимает».

Но и дети историчны. Как, впрочем, и вся природа. Уже и дубы шелестят не так, как во времена Робин Гуда, а может, их и вовсе вырубили. Все вечное, что есть в нас, корректируется тем, что мы — это мы. Ребенок проходит в своем развитии все стадии и тому подобное, но в XX веке он их проходит не так, как в десятом, потому что скорость прохождения та же (поправку на акселерацию мы вносить не будем), а сами «стадии» спрессованы, культивированы по требованиям более интенсивной «агротехники». А одной из «стадий» является он сам, ребенок, — ему надо пройти свое детство как социальную функцию, сыграть свою общественную роль, а она с тех пор, как Руссо открыл в ребенке человека, все усложняется и разветвляется, и ребенок это чувствует, этим тоже «корректируется» не только его сознание, но и всякий его первобытный инстинкт. Слишком смело было бы утверждать, что ребенок рисует то, что от него ждут (я не имею в виду специально обучаемых), но он рисует не от одной лишь «природы», а еще и «от» цивилизации, культуры, духа своего времени. Когда от ребенка не ждали ничего (лет сто назад весь мир впечатлений, которыми взрослые окружали детей, не давал детям проявлять себя так, как теперь), то, вероятно, и само детское рисование было отчасти другим, и даже «моторность» детской руки была иной. Теперь же, приходя на торжественную, грандиозную выставку рисующих детей и всматриваясь в рисунки, вы отражаетесь в них, вы составляете с ними одно культурное целое (что и подчеркнул автор этих снимков), и плодотворно само ваше желание разгадать эту загадку, хотя проникнуть в этот мир и заманчиво, и неимоверно трудно. Но главное, это нужно больше вам. А детям...

Детям же нужны карандаши, фламастеры, краски, бумага, свободное место за кухонным столом и чтобы их не трогали, потому что сегодня четверг.

со стр. 5 ▼

И изображали их лица такое «ужасное» страдание, что невольно закрадывалось сомнение в его искренности.

Лично для меня, в общем-то, не суть самое важное, какая длина волос у подростка. Конечно, не только мне странноватым показался бы сейчас запорожский «хвостик» на лбу у современного парня. Но и этот хвостик я был бы склонен ему простить, если бы... На этом «если бы» я и остановлюсь.

В Международной артековской смене я познакомился с ребятами из Франции, США, Австралии, Японии, ФРГ и других стран, которые отдыхали и работали (они изучали — и претворяли в жизнь — наш опыт руководства молодежными организациями) вместе с советскими ребятами.

У них были разные прически — у наших ребят и гостей — от короткого «бокса» у американца Марка Макфорта до удлиненной шевелюры Сережи Алексеева из Новосибирска. Но у них было и много общего — это была смена юных борцов за мир, представителей прогрессивных молодежных организаций. Они мыслили в одном ключе.

— Самое главное — такой коллектив, где бы каждый мог проявить свою ответственность за себя и за судьбу другого товарища, — говорит Сережа, и потом мне его вожатый расскажет о том, как однажды Сережа бесстрашно защитил его, вожатого, от нападения хулигана: пригодилось и самбо, и смелость.

— Главные ценности века, — рассуждает юный француз Жиль Кале (ему очень идут роскошные вьющиеся длинные волосы), — дружба, жизнь в группе, ответственность за свою судьбу и за судьбу общества.

— Нам с хиппи не по пути, — заключает американец Марк Макфорт. — Наркотики ведут к безответственности. А это выгодно некоторым. Идеалом для меня является мой отец: он борется за права фермеров. — И добавляет: — Он всегда за что-нибудь борется...

И в них, этих троих, таких типичных ребятах, сочетались и детскость — все любили играть, спорить, забираться на крутые склоны гор, участвовать в бесконечных конкурсах, — и гражданственность — видели бы, как американские ребята пели песню «Я бросаю винтовку — я не хочу воевать!», слышали бы, с какой любовью они рассказывали о празднике «Салют, победа!» в Севастополе, когда опускали они в море венки в память о погибших!

И еще одно слагаемое этого «если бы». «Скажи мне, как ты проводишь свое свободное время, и я скажу, кто ты» — вот с такой «отмычкой» я подошел к ребятам. И когда Сережа мне рассказал, что он учится на «отлично» и успевает читать и классику, и современную литературу, и заниматься спортом, и водит трактор и машину, и знает живопись, и весь популярный набор современной музыки, я увидел квинтэссенцию и нравственности, и взрослости — трудолюбие.

Когда Марк Макфорт бросил такую фразу: «Я не помню, но, кажется, с шести лет я работаю на ферме по три часа в день, а летом по 24, потому что иначе мы не выживем», я осознал всю взрослость этого фермерского сына. И когда он добавил, похлопывая меня по плечу, что он все-таки ухитряется в день при этом часок поиграть на тромбоне, — в нем заискрились все буйные силы детскости.

Когда австралийка Джинни Хайгет сказала, что она после школы еще танцует, музицирует, занимается спортом и помогает по хозяйству в доме (она дочь фабриканта), а потом много времени отдает общественной работе — она один из лидеров Лиги молодых социалистов Австралии, — я не мог не восхищаться ее работоспособностью. И когда она тут же рассказала о том, как она любит свою собаку по имени Джек-Макдональд-Гордон-Мейбрук-Дик... (следует тринадцать имен — каждый член семьи дал по имени), как купает своего лохматого зверя, как играет с ним — я понял: не утеряна ею детскость.

Трудолюбие — вот та великая и вечная ценность, которую, как замечал великий русский педагог Ушинский, нельзя купить за все золото Калифорнии. Когда парень или девчонка на мой вопрос: «Что ты можешь? На что вы способны?» — начинают перечислять, и им не хватает пальцев на руке, они вызывают у меня восхищение, и все равно мне, какие у них прически, живописны или неживописны наклеенные декоративные заплаты на штанах, любят они классику или легкую музыку.

Это неправда, что детям, подросткам свойственна лишь беззаботность и несвойственно страдание. Так, как страдают и переживают дети, наверное, никто не может. Только никто не видит этих бурных ребячьих стрессов: все в себе, все в глухом одиночестве. Один парнишка признался: «После каждой стычки с родителями я часами разговариваю с деревьями: они меня понимают, слушают!»

И не надо бояться своих слез и стыдиться своих нравственных потрясений. Без них не может быть становления человека. Слезы, даже если они очень горькие, очищают душу: важно только не сломаться, важно все-таки оставаться, хотя бы на капельку, милым и самоуверенным Дон-Кихотом. Важно, чтобы не заглушался собственный до отчаянности решительный голос: «Ничего, я вам еще покажу, кто я такой!» Важно, чтобы эта решительная «угроза миру» (а может быть, просто покинувшему тебя другу) не переросла в ненависть. Я читал длинное-предлинное письмо десятиклассника Жени В., где он злобно доказывал, что ненавидит всех этих мерзких людишек, всех проклятых бюрократов и мещан, что еще докажет всем, на что он сам способен. И когда я ему сказал, что ненависть убивает талант, он будто и образумился, смягчился. Понял, что главное — уметь человечностью «промерить» свою запальчивость...

Вот в этом нравственном конфликте человеческого, юношеского «я» с другими сразу две важнейшие проблемы, без которых нельзя понять природу подлинного взросления. Беседуя и споря с учителями и ребятами 79-й рижской средней школы, мы пришли к интересным выводам и решили, что открыли две формулы человеческого счастья. Одна — «само» (так мы ее назвали, впрочем такой термин даже есть в европейской психологии) — означает самореализацию духовных и физических сил личности, самовыявление, самоактуализацию, самосознание, самовоспитание, самодеятельность. Всестороннее развитие личности — самоцель коммунизма. Поэтому проблема развертывания совокупности способностей личности есть наиглавнейшая. И в этом «саморазвертывании» выражается и подлинная свобода, и яркость человеческого своеобразия, и вкусы, и пристрастия человека — к музыке, живописи, одежде, и увлеченность наукой, спортом, трудом.

Но никакого подлинного раскрытия таланта и самоактуализации личности не может быть без «со» (в этом и есть отличие нашей психологии от буржуазной): сопричастности, сотрудничества, сочувствия, сострадания, соучастия, солидарности.

Женя В. решил реализовать свои физические и духовные данные (и спортом стал заниматься фундаментально: «Иду на мастера!», и физикой, и искусством: «Буду самым образованным!»). Но по мере концентрации своего внимания на «само» он ставил крест на «со», и его «само» угрожала гибель. И, к счастью, он понял это.

Я познакомился в Риге с удивительно интересным человеком — Новитой Львовной Куклей, учительницей истории, которая работает с ребятами над такой вот темой: «Сопричастность истории». Есть у них очень интересный клуб — представьте себе, так и называется «Политический клуб».

Я, как и вы, наверное, знаю, что политическое становление личности — а это и есть один из главнейших признаков взрослости — идет как бы в двух планах. Уроки, но там надо все по программе: выучить, ответить. И второй план, когда старшеклассники собираются и идет у них живой разговор о том, что почерпнуто из других источников: вспоминаются имена, идет долгий спор о политике, о культурных революциях, о деревенской прозе, о коллективизации, о судьбах народов, о своей причастности к истории. И в этом втором плане проскальзывает и подтекст: то, что не всегда выносится на люди, то, что рассказано дедом или бабкой, рассказано как о самом дорогом, светлом, а может быть, и трагическом.

И вот в политическом клубе разговорились ребята, и выяснились совершенно необычные факты. У одной девочки, Иры А., оказывается, бабушка была одной из фрейлин императрицы. Земли ее конфисковали, и она в период коллективизации вступила в колхоз. Сумела дать образование дочери и в чем-то очень здорово образовала внучку: привила интерес к искусству, к труду. И девочка гордится своей бабушкой, у которой хватило мужества и сил понять необратимость свершившихся перемен. Ира говорит о своей бабушке: «Она истинный интеллигент, и я во всем хочу походить на нее — в интеллигентности, цепкости и трезвости мысли».

В ребячьем «Политическом клубе» Ира работала над темой «Молодежное движение Запада». Как-то, выступая перед ребятами, она спросила:

— А что вы знаете об английских битниках, об итальянских капеллони, о голландских правых, о левацких организациях, о «черном сентябре», о хунвэйбинах! Что общего и что различного в этих движениях!

И стала давать свои, выношенные, оценки этим социальным явлениям.

Оказывается, и хиппи, и хунвэйбины имеют много общего: и те и другие отрицают общечеловеческие ценности и потому не могут привлечь к себе людей.

Может быть, неточная оценка, но своя, продуманная и по-своему аргументированная. И эту оценку можно уважать — она есть признак задумчивости — значит, взросления.

Передо мной несколько докладов старшеклассников о маоизме. Вот наиболее характерные строчки из доклада Иры Курнофеевой (9-й класс): «Почему, спрашивается, маоисты растаптывают идеи гуманизма! Потому что гуманистическая нравственность коммунизма противоречит маоизму».

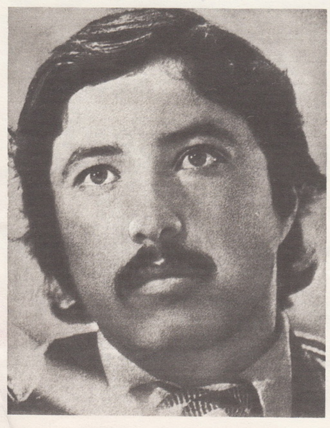
И снова встает перед ребятами проблема коллективного и индивидуального, проблема «со» и «само». И вспоминаются мне разговоры с ребятами из Америки, Австралии, Франции, представителями прогрессивных молодежных организаций Запада, которые высказались примерно в таком же ключе. И вот это бескомпромиссное отношение к правооппортунистическим и левацким загибам, что особо подчеркивалось в материалах XXV съезда КПСС, характерно для прогрессивных сил молодежи мира. И я радуюсь тому живейшему интересу, который проявляют наши ребята к своему политическому становлению.

Под разными небесами взрослеют поразному, и каждый задает для себя этот сложный вопрос: «Неужели я взрослый!» Да, друг, ты взрослый — это сказывается и в отношении к судьбам мира, и в неразрывной связи слова и дела, и в добром отношении друг к другу, и в глубоком понимании своих родителей, учителей. Я вижу это и потому горжусь нашей прекрасной молодежью.

Ю. АЗАРОВ,
старший научный сотрудник
НИИ общей педагогики АПН СССР

ВРЕМЯ ДЛИННЫХ ПИСЕМ

В последнем номере подпольной газеты Коммунистической партии Чили «Унидад Антифасиста» («Антифашистское единство») за 1975 год сообщается, что руководство партии приняло постановление о посмертном награждении Луиса Альберто Корвалана медалью «Луис Эмилио Рекабаррен» [1] за его героическую революционную деятельность в течение столь короткой жизни.

Чуть ранее «Унидад Антифасиста» опубликовала очерк, посвященный Луису Альберто Корвалану.

«Мы должны надеяться и верить, что такое положение вещей не будет вечным. И тогда мы поймем, что в недалеком будущем мы вновь будем сидеть за одним столом: наш отец, ты, сестры, моя жена... И тогда все настоящее отойдет в воспоминания. У нас будет такое стремление жить полной жизнью, что не останется места ни для боли, ни для злопамятства. Будет только желание стать лучше и еще больше любить друг друга».

Тот, кто писал это, любил жизнь.

Писал юноша, энергичный, отдавший свою голову учебе, а руки — труду. Он трудился всюду. Соорудил в концлагере классную комнату, сделал для нее мебель. Он был примерным сыном и отцом. Письмо, строки из которого приведены выше, было написано в концентрационном лагере Чакабуко, расположенном в заброшенном шахтерском поселке на севере Чили, в пустыне. Поселок вокруг заминирован, по колючей проволоке, огораживающей его, пропущен электрический ток, чтобы заключенные не смогли совершить побег. Человека, готовившего себя не к злопамятству, пытали на Национальном стадионе до тех пор, пока не сочли мертвым. Пытали потому, что он отказывался сказать, что не любит своего отца.

Его звали Луис Альберто Корвалан.

Сын Луиса Корвалана и Лили Кастильо, он родился второго августа 1947 года. Он был первым и единственным сыном в семье.

В октябре 1947 года, когда ему было всего три месяца и его мать еще ощущала последствия тяжелых родов, агенты Гонсалеса Виделы разыскивали его отца. Это была политическая полиция того времени. Один из агентов взял младенца за крохотные ножки и стал бить его по груди и по лицу, стараясь таким образом заставить мать выдать место, где скрывался Луис Корвалан.

...Несколько лет спустя Лили Кастильо, взяв малыша за руку, направлялась в бюро расследований с целью узнать чтолибо о муже, который был сослан в лагерь Мелинка.

Луис Альберто поступил в школу под другой фамилией. Он не имел права носить фамилию отца, находившегося в подполье. Мальчика тогда звали Луис Кореа.

В воскресенье, 26 октября 1975 года, в квартире Лили зазвонил телефон. Из Софии звонил Хулио Алегрия, бывший посол Чили в Болгарии.

— Я должен сообщить тебе нечто ужасное. Даже не знаю, как начать... У Луиса Альберто был приступ...

Рядом с Алегрия находилась жена Луиса Альберто Рут Вускович. Она была настолько потрясена, что не могла говорить. Она попросила к телефону одну из сестер мужа. Так была получена эта страшная весть.

Мать Луиса Альберто сразу же направилась в концлагерь «Трес Аламос». Это не был день посещения, но, рассказав о постигшем ее горе, она получила разрешение на свидание с мужем.

Муж, едва увидев ее, тотчас же забеспокоился:

— Что?.. Что случилось? С ним, да?

— Лучито, я делаю то, чего никогда не хотела бы делать. Я говорю... У него был приступ...

— Он умер! — вскрикнул Луис Корвалан.

В апреле 1971 года Луис Альберто Корвалан начал работать в Корпорации содействия развитию (КОРФО) [2]. До 30 сен-

[1] *Луис Эмилио Рекабаррен — один из основателей Компартии Чили. Медаль его имени учреждена в 1972 году, в год 50-летия основания чилийской конституции. В июле этого года исполняется 100-летие со дня его рождения.*

[2] *Государственная организация, руководившая национализацией и промышленным производством страны.*

тября 1973 года он вел активную деятельность под руководством профессора, служащего КОРФО Алехандро Плонка. С 1 октября вплоть до ареста Луис Альберто входил в профессионально-техническую группу КОРФО. Он был включен в эту группу благодаря своему добросовестному отношению к работе и высокой квалификации агронома.

В середине ноября 1973 года он был арестован и доставлен на Национальный стадион, где его подвергали непрерывным пыткам. Свидетели этого зверства вспоминают, что у карателей не было иной цели, как заставить его отречься от отца. Но он не отрекался. И тогда палачи прибегли к более жестоким пыткам.

Когда его тело билось в судорогах под разрядами электрического тока, они прижимали его сапогами к полу и продолжали пытать.

Однажды ему стало совсем плохо. Пытавшие подумали, что он мертв, и выбросили его тело за стадион.

Через несколько часов его нашли товарищи. Они сделали все, что могли, и Луис пришел в себя. Участники этой драматической схватки за жизнь говорят, что, если бы молодой Корвалан остался лежать один еще немного, ему бы уже не удалось выжить.

А в это время его жена находилась в заключении в Каса Коррексиональ. Она пробыла там до 31 декабря 1973 года. Затем она вместе с сыном выехала в Мексику.

Тем временем Луиса Альберто перевели в лагерь Чакабуко, где он провел в заключении одиннадцать месяцев. Это было время длинных писем — отцу, матери, сестрам, жене. Эти письма позволяют теперь увидеть, каким он был наедине с собой, а значит, таким, каким он был в жизни.

Над этими письмами корпел лагерный цензор, пытаясь решить, что же ему убрать в них, а что оставить. Потом их читали те, кому они были написаны, переживая все чувства, которые умещаются между слабой надеждой и безнадежностью. Теперь можем прочесть их мы.

Вот отрывки из писем Луиса Альберто Корвалана, человека, не отрекшегося ни от своего дела, ни от отца.

ПИСЬМА СЫНА

ПИСЬМО МАТЕРИ. 10.XII.73

«Мама! Приближается рождество. Скорее всего наше положение к тому времени не прояснится, и у нас не будет возможности праздновать рождество так, как мы делали это раньше. Но все-таки, я думаю, что ты должна приготовить праздничный ужин для Марии, Виктории и Вивианы [1], рассказать им о высоком человеческом достоинстве, о мире, который должен царить между людьми. Я думаю, что отец тоже хочет, чтобы для вас, как и для всего мира, эта ночь была бы ночью любви и спокойствия. Помните о нас и сохраняйте веру в то, что скорее раньше, чем позже, мы снова будем вместе, совсем рядом и будем семейной нежностью залечивать раны, которые наносит нам сейчас жизнь».

Далее Луис пишет, что готовится стать знаменитым футболистом футбольной команды Чакабуко.

«Я уверяю вас, что через пять лет и один день я смогу войти в состав национальной сборной команды и защищать честь Чили за рубежом. Как видишь, мама, человек способен жить в любом месте и при любых условиях».

ПИСЬМО ОТЦУ (ДАТА НАПИСАНИЯ ВЫЧЕРКНУТА ЦЕНЗУРОЙ)

«Отец! Я до сих пор не получал твои письма. Но я не волнуюсь. Я знаю, что ты самый мужественный из мужественных, что твои силы неиссякаемы. Эта вера в тебя, лучшего из лучших, говорит мне, что ты преодолеешь любые преграды, какими бы сложными они ни были. Мое спокойствие порождено также достоинством и мужеством моей матери, сестер и жены. Я видел их спокойными, сильными, уверенными в будущем. Они терпеливо ждут нашего возвращения».

Далее он пишет: «Этот период заключения является для меня еще одним, ценным, великолепным уроком. Я многому научился здесь. Я отчетливо видел, как проявляются человеческие качества, глубоко познал человека, открыл огромное богатство его души. Я научился ценить его неиссякаемые силы. Я горжусь своим поведением. И еще больше горжусь мужеством Рут и моей матери».

[1] *Сестры Альберто. Их в семье было четверо — один сын и трое дочерей.*

ПИСЬМО ОТЦУ. 4.I.74

«За занятиями спортом, столярным делом и чтением книг время бежит незаметно. Кстати, о столярном ремесле. Вчера, когда я мастерил стол, один приятель спросил, почему я забиваю гвозди, немного наклонив их. Я рассказал ему, что ты меня этому научил, что вместе с моим дедом ты строил дом, когда мы жили в Ла Систерна.

Может быть, это странно, но сейчас мне кажется, что человек сделан из других людей. Нет сомнения в том, что многие из моих слов и жестов — это твои слова, твои жесты. И я, естественно, горжусь этим».

ПИСЬМО ОТЦУ. 9.I.74

«Наступил новый год. Должен сказать тебе, что для меня он начался удачно. Моя жена снова на свободе. Ну как? Отличная новость, дружище! Когда я получил телеграмму, мне показалось, что вся пустыня усыпана цветами, что ночью мерцали на небе белые жемчуга... Я получил ее шесть дней назад и все еще прыгаю от счастья».

ПИСЬМО ЖЕНЕ РУТ. 21.I.74

«Дорогая Русита! В тот день величественное солнце наполняло жизнь теплом. Я закончил сдачу экзаменов в университете. Этот решающий день в нашей жизни я встретил с большой радостью, с желанием петь и плясать. Да, гораздо раньше мы поклялись в вечной любви, но в этот день все рождалось заново. Сама волнующая обстановка говорила о том, что это самый важный день.

Шесть часов вечера. Твой отец, твоя мать, мои родители, наши братья и сестры, наши дедушки и бабушки, наши друзья... Мы сидим в столовой нашего дома, дома, который был свидетелем рождения и процветания нашей любви. Служащий из конторы записей актов гражданского состояния, его книга с десятью чистыми страницами. Помню, я успел сосчитать их. Наши подписи, наши поцелуи, наши объятия, объятия наших родителей, наполненные нежностью. Затем мы проводили твоего дедушку. Праздник в доме моей матери. Наша первая ночь и то новое пробуждение там, в Пирке. Первые дни молодых супругов. Проходят месяцы. Декабрь. Наш первый сын увидел свет. Наша жизнь с Дьегито, первые дни молодой семьи. Любовь моя, нет слов, чтобы передать мои чувства и чтобы никто не подумал, что это боль.

Русита, то, что я чувствую, это любовь к тебе, к нашему сыну, к нашим родным и близким, любовь к жизни. Каждый день приносит мне все большую уверенность в том, что накапливаемый нами опыт жизни перерастает в нашу победу, что наша семья будет еще крепче, что впереди у нас — зрелость чувств, отвага и мужество, желание жить настоящей жизнью. С каждым днем мы все яснее отличаем правду от лжи, хорошее от плохого. Я чувствую, что с каждым днем мы становимся все ближе и ближе, все больше ценим друг друга. «НЕТ!» — разлуке. Расстояние сближает нас. Между нами пролегли многие тысячи километров, но наши чувства — это нерушимые узы, объединяющие нас».

ПИСЬМО ОТЦУ. 27.I.74

«Я сделал своими руками больше половины всей мебели в доме, где мы живем: стол, скамьи, стулья, шкафы и полки. Должен сказать тебе, что я всецело поглощен столярным делом. Наш дом, где живут еще семеро моих приятелей, один из лучших в лагере».

(Кстати, в этом доме побывал кардинал Сильва Энрикес, он был восхищен мебелью и похвалил его жителей за стремление сделать свою жизнь более сносной.)

ПИСЬМО ОТЦУ. 28.II.74

«Я уже полностью преодолел тенденцию «лишь бы жить», а точнее, «прожигать время». Должен признаться, что раньше я не мог этого сделать. Но теперь я стал более требовательным к себе и устремил весь свой взор и энтузиазм на, если так можно сказать, кампанию по использованию времени для подготовки к будущему. Я полностью отдаю себя этому делу. Я отобрал некоторые из имеющихся у нас книг, отложив в сторону те, которые служат лишь для развлечения. Сейчас, как никогда раньше, я испытываю жажду учиться».

ПИСЬМО ОТЦУ. 6.III.74

«Мои занятия английским языком подхвачены попутным ветром. Ежедневно я занимаюсь им полтора часа вместе с другими и около часа сам. Кроме того, я начал повторять и более глубоко изучать математику. Когда я получу мои книги по животноводству и сельскохозяйственным культурам, я буду заниматься семь-восемь часов в день».

ПИСЬМО СЕСТРЕ ВИВИАНЕ. 18.III.74

«К сожалению, я не смог научить его (сына) ходить. Но я надеюсь и верю, что скоро буду находиться рядом с ним и помогать ему познать мир и жизнь... Я представляю его себе в два, в четыре года. Взяв за руки свою маму и бабушку, он бегает по лугам, пляжам и горам. Все трое смеются и наслаждаются свободной, полноценной жизнью. Вот такой предстает перед заключенными свобода».

ПИСЬМО ОТЦУ. 11.IV.74

Обеспокоенный обострением язвы желудка у отца, он пишет: «Надо меньше курить и не пить бульон из коровьих голов». (Это выражение употребляют политические заключенные, когда хотят сказать, что нужно меньше думать о своих проблемах и не обращать внимания на трудности. — **Прим. пер.**) «Ешь овощи и пей молоко. Оно помогает освобождению... Не обращай внимания на мои шутки, дружище. Я бываю серьезным, лишь когда учусь. В остальное же время я просто балагурю... Но если говорить серьезно, то я изучаю экономику и животноводство. Ежедневно я уделяю занятиям восемь часов. Если в скором времени меня не выпустят отсюда, человечество потеряет одного из самых мудрых ученых в области сельскохозяйственных культур и всяких других растений».

ПИСЬМО К ОДНОЙ ИЗ РОДСТВЕННИЦ ЖЕНЫ. 29.IV.74

«У меня около 30 учебников. Своими силами я создал классную комнату и провожу в ней по восемь часов в день. В остальное время я занимаюсь обыденными лагерными делами, мечтаю, вспоминаю моих родных. Чтобы ты поняла, из чего состоит моя жизнь здесь, скажу тебе, что раньше Чакабуко являлся шахтерским поселком. Сейчас это маленькая страна, где есть бытовое обслуживание, где проводятся культурные мероприятия, существуют производственные мастерские, различные общеобразовательные курсы, и прежде всего это страна, где царствует солидарность, товарищество, достойное поведение, настойчивость по преодолению различных ограничений для заключенных. Одним словом, Чакабуко — это живой, растущий человек, который смеется, и плачет, и борется за достижение заветной звезды с красивым названием «Свобода».

ПИСЬМО ЖЕНЕ. 30.IV.74

«Любимая моя Русита! Мне стало известно, что, когда ты одеваешься, некий Дон-Жуан целует твои ноги. Кроме того, мне рассказали, что он уже чистит ботинки и зубы. Конечно, на первый взгляд твой Дон-Жуан — человек с претензиями. Я знаю также, что он чертовски красив, умеет изображать лошадок, собак, кошек и т. д. Не знаю, на кого похож этот «жених», но передай ему, что он ведет нечестную игру. Он пользуется тем, что его отец в тюрьме, и хочет украсть у него жену. Как счастлив отец, когда ему рассказывают о шалостях сына!..

Я продолжаю заниматься. С каждым днем я все больше времени уделяю учебе. Растет моя уверенность в том, что я создаю наше будущее счастье. Учеба для меня — новая форма моей любви к тебе, новая форма желания взять на руки нашего маленького сыночка, обнять тебя».

ПИСЬМО ОТЦУ. 11.VI.74

«Я продолжаю занятия английским, немецким, высшей математикой и статистикой. Кроме этого, я самостоятельно изучаю животноводство и экономику».

ПИСЬМО ОТЦУ. 11.VIII.74

«Получил письмо от жены. Пишет, что у нее все хорошо, что твой внук просто восхитителен. Он может подражать всем животным, рисует, очень любит футбол. Я верю, что скорее раньше, чем позже, мы сможем собраться за одним столом и поговорить о шалостях твоего внука — моего сына».

Его предчувствие сбылось. Но не совсем.

ПИСЬМО ОТЦУ. 23.IX.74

«В аэропорту я вновь увидел моего сына. Он уже почти большой. Сначала он смотрел на меня с безразличием, но через несколько часов мы уже были друзьями. Я его отец. Мне пришлось дважды отругать его за мокрые штанишки».

Таким он был. Таковы были его радости и печали.

Но письма говорят еще и о большем — о том, каким он не стал, потому что умер. И наверное, телеграмма соболезнования, направленная молодежью Чехословакии его матери, выражает в какой-то мере чувства тысяч и тысяч юношей и девушек, которые не смогли их выразить непосредственно родителям Луиса Альберто:

«Уважаемая сеньора Корвалан! Примите наше глубокое чувство соболезнования по случаю безвременной кончины Вашего любимого сына Луиса Альберто, друга нашей молодежи. Мы знаем, что ничем не заглушить боль матери, потерявшей сына. Но мы заверяем Вас, что Луис Альберто всегда будет являться для нас примером молодого коммуниста, патриота, интернационалиста. Мы обещаем Вам, что всегда будем достойны памяти Вашего сына, что будем верны идеалам, за которые боролся Луис Альберто. Скоропостижная смерть помешала ему достичь цель, которой он посвятил всю свою молодую жизнь. Храня память о нем, мы продолжим борьбу за то, чтобы над его родной страной развевалось знамя мира и свободы».

ПИСЬМА ОТЦА

Через две недели после фашистского переворота, 26 сентября 1973 года, был арестован Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан. В августе 1974 года его жена, Лили Кастильо, говорила корреспонденту итальянского журнала «Эпока»: «С тех пор я видела его трижды — 21 мая, 22 июня и 6 июля. Было разрешение еще на одно свидание, но я не смогла им воспользоваться. Я была тогда на севере, в Чакабуко. Там в концлагере сидит мой сын Луис Альберто. Не могла же я разорваться...» Мало было встреч. Но письма с острова Досон иногда приходили.

ПИСЬМО СЫНУ ЛУИСУ АЛЬБЕРТО С ОСТРОВА ДОСОН

«Всего несколько дней назад я получил весточку от твоей матери и твоих сестер. У них все в порядке, они непоколебимы. Когда у солдата есть прочный тыл, он может бороться спокойно и быть готовым ко всему. Что касается меня, то я учусь, усердно учусь. А еще я работаю, обтачиваю черные базальтовые камни...

Сегодня твоему сыну Диего исполняется столько же лет, сколько было тебе, когда нас преследовала диктатура Гонсалеса Виделы в 1949 году, и я был сослан в Писагуа. Это время прошло. А значит, и сегодняшние черные тучи будут разогнаны единством сил народа. И твой сын будет расти в новом обществе, которое всем принесет счастье».

ПИСЬМО ДОЧЕРИ ВИВИАНЕ С ОСТРОВА ДОСОН ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЕЕ ИСКЛЮЧИЛИ ИЗ БАЛЕТНОЙ ШКОЛЫ

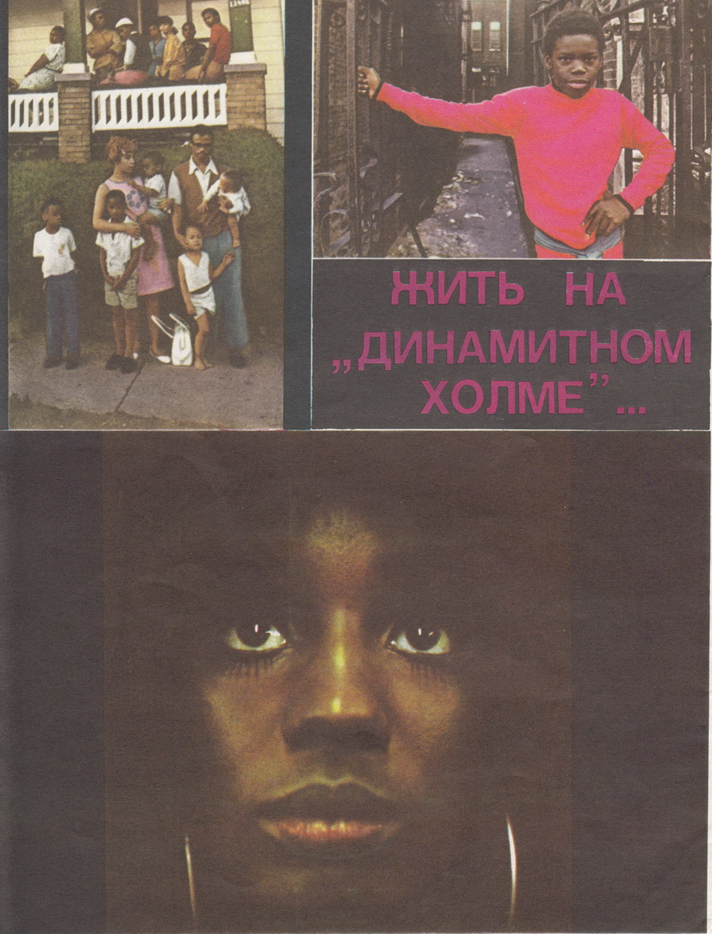
«Теперь, дочурка, я понимаю, что для тебя значил балет. Нет, нет, никаких утешительных слов я говорить не буду. У нас сейчас трудные времена, но мы должны выстоять, иначе это будет поражением на всю жизнь. И наоборот — если мы выстоим, это будет нашей заслугой, это нам поможет в жизни... Но что же тебе сейчас делать? Всякое дело, дочка, почетно. Важно лишь в каждом деле всегда учиться. Быть может, тебе удастся выехать за границу, но это должна решать ты сама и с решением этим не спешить. А пока попробуй занять себя чем-нибудь другим; а может, ты сможешь устроиться в какую-нибудь частную школу — ведь так важно не терять треннинг.

Наше настоящее положение тяжелое, трудное, болезненное. Но мы не должны впадать в отчаяние. Это самое худшее, что может произойти, потому что это означало бы наше самоуничтожение. Мы должны иметь силы, стойкость, достоинство, чтобы идти вперед, чтобы наслаждаться завтрашним днем, наполненным радостью от сознания того, что мы смогли преодолеть все сегодняшние трудности. Тебя обнимает и целует твой отец».

ПИСЬМО ЛУИСУ АЛЬБЕРТО

«Я думаю, что в Болгарии ты и Рут сможете многому научиться и прежде всего тому, что имеет непосредственное отношение к вашим профессиям. Ты знаешь, что сельское хозяйство в Болгарии очень развито. Я уверен, что ты используешь свое присутствие там для того, чтобы как можно больше познакомиться с технологией, руководством предприятий, со всем тем, что касается экономических и социальных процессов в области сельского хозяйства. Болгария многому может научить вас. Я, в свою очередь, изучил французский и могу читать любые книги на этом языке. Умение читать на иностранном языке приносит огромную пользу в учении. Мне кажется, что ты должен выучить болгарский и русский языки, а также углубить свои знания в английском. Тогда ты будешь в курсе всего происходящего вокруг, по крайней мере, в курсе всех научных достижений в мире».

Перевел с испанского А. ЕВДОКИМОВ

ЖИТЬ НА
„ДИНАМИТНОМ
ХОЛМЕ"...

Елена СМОЛЬСКАЯ

В октябре 1970 года в Нью-Йорке была арестована и брошена в тюрьму видный борец за социальные права человека, коммунистка Анджела Дэвис. Этот арест вызвал бурю протеста во всем мире, повсюду проходили митинги солидарности с Анджелой. В результате этой широкой кампании в 1972 году Анджела Дэвис была освобождена. Она побывала в Москве, выступила с рассказами о своей борьбе и во Дворце пионеров перед представителями почти всех московских школ.

Недавно в США вышла книга Анджелы Дэвис «Автобиография». Рассказ-исповедь всегда интересен. Рассказ такого человека, как Анджела, чья жизнь стала для молодежи примером, интересен особо. Потому что это рассказ о трудном, драматичном, неприукрашенном и тем особенно прекрасном восхождении к вершинам мужества и веры, об обстоятельствах, преодоление которых делает маленькое человеческое сердце сердцем борца.

А вообще-то поначалу она была просто девочка. Ей бы играть в куклы да шушукаться с подружками, да капризничать за обедом, да носить большие красные банты. Ей бы быть как все девочки в любом конце белого света, если бы... Если бы эта девочка не родилась в гордой своим богатством, а заодно своей демократичностью стране — Соединенных Штатах Америки, где такой пустяк, как цвет кожи, лишает обыкновенных девочек и мальчиков возможности быть обыкновенными детьми, где... Да что говорить! Кто из читателей «Ровесника» не знает, как относятся к неграм в США? Анджела рассказывает, каково жить в этой атмосфере ненависти, как просто в ответ возненавидеть всех и вся, как заманчиво ослепление неосуществимой мечтой стать такой же, как те, белые, как легко за хитроумной выдумкой разделения людей на белых и черных не заметить другого разделения: на богатых и бедных. И как трудно, как неимоверно трудно приходит понимание истоков расовых предрассудков и логики борьбы с ними.

Анджела Дэвис прошла этот путь — через инстинктивную, безрассудную ярость ребенка, через сомнения и боль.

Обо всем этом она вспоминает в своей книге.

Анджеле пять лет:

«Не так-то уж и далеко было от места, где мы жили прежде, до нашего нового дома на вершине холма. Но не числом кварталов измерялось здесь расстояние.

Застроенный государством жилищный комплекс на Восьмой авеню, откуда мы уехали, представлял собой скопище одинаковых краснокирпичных домов. Лишь изредка между этими каменными бараками проглядывал островок зелени, вроде жалкой заплатки на асфальте. Когда не видно ни земли, ни неба, плоды или цветы все равно не вырастишь, сколько ни старайся. Зато там у нас были друзья, зато там расцветала дружба.

В 1948 году из этого района мы переехали в другой, в том же городе Бирмингеме — на Сентр-стрит, в большой деревянный дом, там и сейчас живут мои родители. Крыша у него островерхая, со шпилями, краска успела облупиться, и чем-то он напоминал дом с привидениями: такая уж была вокруг него молва. Сразу же за нашим участком начинался лес с фиговыми деревьями, кустами ежевики и большими дикими вишнями, кругом простор, никакого асфальта. Да и улица была просто нетронутой полосой оранжево-красной алабамской глины. Дом наш выделялся не только своим необычным видом: в этом округе лишь в нем одном не таилась ненависть белых к черным — мы были первыми черными на весь этот белый район.

Уже тогда я знала, что по ту сторону улицы живут не такие люди, как мы, хотя не понимала еще, что разница в цвете кожи. От наших прежних соседей они отличались хмуростью лиц, манерой глядеть с неприязнью и не замечать, когда мы кивали им: «Доброе утро!» Престарелая супружеская пара, некие Монти, жившие в доме напротив, днями напролет сидели на крыльце, не сводя с нас помутневших от ненависти глаз.

Почти сразу же после нашего переезда белые владельцы окружавших домов решили отгородиться от нас пограничной полосой. Линией демаркации стала Сентр-стрит. Нам дали понять, что, пока мы будем смирно сидеть по «свою» сторону границы, нас оставят в покое. Но стоит лишь кому-то из наших пересечь улицу — и начнется настоящая война. Пришлось спрятать в доме оружие и держаться начеку.

Каких-нибудь полсотни метров отделяли нас от этого мира ненависти, но мы продолжали жить обычной жизнью. Мама взяла отпуск в школе, где работала учительницей, чтобы присматривать за младшим братишкой Бенни; к тому же она ждала появления на свет моей сестры Фенни. Отец по утрам отвозил меня на старом, оранжевого цвета фургоне в детский сад и спешил на работу, на станцию технического обслуживания автомобилей.

Вскоре после нашего переезда в этот район, на холм, белые стали покидать его, а на их место прибывали семьи черных. Черный священник по фамилии Дейберт купил дом, соседний с владением стариков Монти, демаркационная линия была тем самым нарушена.

Дело было под вечер весною 1949 года. Я готовилась к завтрашним утренним занятиям в воскресной школе, отмывала в ванной комнате грязь со шнурков для туфель. Вдруг наш дом содрогнулся от взрыва. Пузырьки с лекарствами попадали с полочек, их осколки усыпали пол. Сам пол стал куда-то уходить из-под ног, я бросилась на кухню и прижалась к перепуганной маме.

На холм поднимались группами черные, они столпились на нашей, «черной», стороне улицы и с гневом смотрели на обломки взорванного дома Дейбертов. Пришла ночь, а они все говорили об этой смерти, о ненависти белых, снова о смерти, снова о белых, снова и снова о смерти. Только об одном они не говорили — о своем страхе. Да его и не было: семьи черных продолжали переселяться. И вскоре взрывы здесь стали таким привычным делом, что нашу округу прозвали «Динамитным холмом»...

Могла ли родиться в такой обстановке ответная ненависть? Она должна была родиться. Но, какой бы естественной ненависть ни была, она уродует, и это понимали родители Анджелы: «Чем сильнее наша округа погружалась в это море ненависти, тем старательнее мои родители внушали мне, своему первенцу, что война белых против черных отнюдь не в природе вещей. Нет, говорила мне мама, напротив, бог завещал людям любить друг друга, ненависть белых к нам не есть что-то естественное и вечное. Она знала, что, когда я подзываю ее к телефону («Мам, там тебя какая-то белая леди»), я не просто отмечаю непривычный для нашего уха протяжный говор белых, что-то другое у меня на уме. Потому как всякий раз, произнося «белая леди», «белый господин», слова эти я выговаривала со злобой. И мать пыталась урезонить меня, погасить эту злобу. По роду своих занятий она часто сталкивалась с белыми, по-настоящему преданными делу улучшения межрасовых отношений; она боролась за освобождение узников Скоттс-бюро вместе с белыми, среди которых были коммунисты. Занимаясь политической деятельностью, мама поняла, что белые могут быть настоящими людьми, что они могут относиться к черным так, что можно вообще забыть о различиях в цвете кожи. И свою маленькую дочь, сознание которой отягощали ненависть и смятение, мама всеми силами старалась научить видеть в белых не тех, кем они были, а какими они должны, могут быть. Но я никак не могла взять в толк, о чем она говорит...

Когда на нашем холме поселилось уже достаточно много семей черных и у меня появились друзья, мы придумали сами, как защитить свое детское достоинство. Нашим оружием было слово. Мы собирались на лужайке у нашего дома близ дороги, и, когда мимо мчалась машина с белыми, мы дружно выкрикивали бранные клички: «Красные шеи! Шкуры дубленые!» — так сами белые называли своих же бедняков, голь перекатную, а других слов мы не знали... И хохотали потом до истерики над удивленными лицами проезжих. Родителей я не посвящала в эти игры. Я боялась, что они не поймут, как важно мне, всем нам, только что открывшим для себя существование расизма, найти способ отстоять свою гордость».

Детский протест. Наивный на первый взгляд. И в то же время это был единственный способ утвердить себя, отстоять свое детское достоинство.

Но девочка чувствует — есть в этой «игре» что-то сомнительное, что-то такое, что не одобрили бы родители. И в этом неосознанном чувстве — залог будущего понимания опасности «расизма наоборот», который буквально навязывается черному населению Америки ненавистью белых сограждан.

Не менее страшным испытанием детской души было другое.

«У меня и у друзей моего детства, — рассказывает Анджела, — вырабатывалось двойственное отношение к миру белых. С одной стороны, в нас росла безотчетная ненависть и отвращение к тем, кто мешал осуществлению всех наших желаний — от самых пустяковых до самых великих. А с другой, росло безотчетное же чувство ревности, зависти. Это чувство зависти не покидало меня и тогда, когда я начала взрослеть. И все же я отлично помню, как в разгар детских лет я однажды решила, что никогда, ни при каких обстоятельствах (и в этом я была предельно категорична) не позволю себе даже на минуту пожелать изменить свой цвет кожи. Но, конечно же, эта клятва никак не мешала мне предаваться мстительным мечтам, когда желания мои разбивались о различные запреты. И вот для того, чтобы грезы не входили в столкновение с моими принципами, я придумала себе такую фантазию: я гримируюсь в точности как белая и небрежно захожу в театр, или в городок аттракционов, или куда там мне надо, получаю сполна все удовольствия, а потом устраиваю грандиозный, вызывающий спектакль перед расистами, срываю с себя личину белой, дико хохочу, обзываю всех дураками...»

А что же дальше? Дальше школа жизни, школа формирования классового самосознания, куда более сложная, чем постижение законов грамматики и арифметики хотя бы потому, что в этой школе решать многие задачи надо самой. Удивительно точно и тонко прослеживает этот процесс в своих воспоминаниях Анджела Дэвис:

«Еще до поступления в начальную школу я умела читать, писать, считать. Но зато в первом классе я почерпнула для себя вещи более глубокие и важные, чем премудрости уроков. Я узнала, что можно быть голодным — и не иметь возможности наесться досыта, можно замерзать — и не

иметь одежды согреться, быть больным — и оставаться без медицинской помощи. Многим ребятам не по карману был даже пакетик жареного картофеля на обед. Как больно мне было смотреть на близких своих друзей, когда потихоньку наблюдали они из-за двери столовой, как едят за обедом другие дети.

Я долго размышляла над тем, что одни едят, а другие только смотрят. И наконец решила что-то предпринять. Я знала, что отец привозит с автостанции дневную выручку, мешочек с монетами, и каждый вечер оставляет его в кухонном шкафу. Однажды я подождала, пока заснет весь дом, проскользнула на кухню, заставляя себя не трястись от страха в темноте, и стащила несколько монеток. А на следующий день раздала монетки голодным друзьям. Ведь голод мучил их сильнее, чем меня угрызения совести, мне-то всего-навсего предстояло пережить горечь сознания собственной вины перед отцом.

Так я впервые столкнулась с классовыми различиями у своего народа. Мы-то не были самыми бедными, и, пока я не пошла учиться, мне казалось, что и все живут так же, как мы. Мы трижды в день нормально ели, у меня была одежда на лето и на зиму, платья на каждый день и «воскресные», верно — я протирала до дыр свои обувки, но на какое-то время я выходила из положения с помощью картонных стелек.

...Мои размышления о нищете и убожестве жизни вокруг нас не так сильно бы меня преследовали, если бы я не видела своими глазами того контраста, который существовал между этой жизнью и относительной обеспеченностью в мире белых. Наша начальная школа казалась еще более убогой, когда мы сравнивали ее с начальной школой для белых детей — нам хорошо была видна эта солидная постройка из красного кирпича, окруженная сочной зеленью лужаек. А в нашей школе мы всю зиму спасались от холода с помощью толстобрюхих железных печек, жадно пожиравших уголь; когда на улице шел дождь, он заливал нас и внутри...

Наша школа входила в сеть «негритянских школ Бирмингема», которыми ведал совет по образованию, на сто процентов белый по своему составу. Деятелей из этого совета мы видели в лицо не часто, лишь в тех особых случаях, когда некий проезжий гость интересовался «негритянскими школами» или же им нужно было что-то у нас проинспектировать. А так повседневной жизнью нашей школы руководили черные педагоги.

Наверное, именно этому обстоятельству мы обязаны тем, что нам сумели внушить в эти годы сильное чувство гордости за свой народ и его историю. Все основные события и имена негритянской истории мы узнали от своих учителей. Уже с первого класса мы хором распевали по торжественным поводам «Негритянский национальный гимн» Джеймса Уэлдона Джонсона, иногда вслед за «Звездно-полосатым стягом», официальным американским гимном, или гимном штата, а иногда обходились и вовсе без них и пели только свой. Помню, какое сильное впечатление произвела на меня разница между национальным гимном, в котором как о неоспоримом факте говорилось о том, что свобода существует для всех в стране, и «Негритянским национальным гимном», исполненным духом борьбы за свободу, для нас все-таки отсутствующую. Голосок у меня был не ахти, привлекать к себе внимание не хотелось, но я всегда радостно орала конец последней строфы: «Встречая восходящее солнце, накануне нового дня, будем шагать мы упрямо, нам победа нужна!»

...Нас настраивали на то, чтобы мы жили в своей собственной, наглухо замкнутой черной вселенной; источники духовной поддержки мы вынуждены были искать изнутри, сами. И не стоит идеализировать черные школы Юга на том лишь основании, что они воспитывали в нас это чувство. Оглядываясь в прошлое, я вспоминаю об отвратительной двойственности, которая пронизывала эти школьные годы, преследовала нас на каждом занятии в каждом классе, на любом школьном вечере. С одной стороны, и наши занятия, и сама наша жизнь внушали нам, что мы не должны забывать о нашей принадлежности к черному народу, что мы должны гордиться этим. С другой стороны, многие учителя пытались внедрить в наше сознание официальное, пропитанное расизмом объяснение тому, почему мы бедны и обездолены. И они стремились воспитать в нас дух индивидуализма, конкурентной борьбы в качестве выхода из этого мучительного состояния. Нам говорили, что конечной целью нашей учебы должно быть получение профессиональной квалификации и знаний, которые позволят нам в одиночку, кто как может, подняться и выбиться из навоза и грязи, «стряхнуть прах» нищеты. Этот станет врачом, тот адвокатом, найдутся среди нас будущие учителя, инженеры, дельцы, бухгалтеры, предприниматели, и если кто-то из нас проявит особо исключительные способности в этой борьбе, он, быть может, в своем успехе приблизится к самому А. Дж. Гастону, нашему известному черному миллионеру.

Дух соглашательства и приспособленчества пропитал здесь все, каждую ступенечку нашего школьного образования в Бирмингеме. Трудись как следует — и награда тебя не минует. Но естественным выводом была мысль о том, что дорога для черных тяжелее, тернистее дороги наших белых сверстников. Наши учителя внушали нам, что мы должны закалять себя, готовя к тяжелому труду, к самому тяжелому труду, к жертвам и еще раз к жертвам, и только будущее покажет, насколько серьезно мы подготовили себя к преодолению всех этих трудностей. Меня часто поражало, что они толкуют об этих трудностях так, будто трудности испокон веков стоят себе как часть естественного порядка вещей, а не воздвигнуты системой расизма, которую мы в конце концов можем разрушить».

Это понимание спокойное, позднее, понимание взрослого человека. Но человек становится взрослым тогда, когда, видя несправедливость и фальшь, испытывает не только душевную муку, но и готовность бороться с ними.

«...Из всех отвратительных проявлений того духа нищеты и убожества, которым была пропитана вся жизнь в нашей школе, больше всего меня мучили драки.

Ребята дрались из-за пустяков: кто-то кого-то толкнул, кому-то наступили на ногу, кого-то обозвали, о ком-то пустили — нарочно или нечаянно — сплетню или кому-то так показалось. Дрались из-за того, что пальцы вылезают из разодранных башмаков, что курточки слишком худы для зимы, а в животе давно ничего не было, что никуда не сбежишь из узких, покрытых асфальтом дворов — причин было предостаточно. Они дрались с низостью и убожеством Бирмингема, рассекая воздух ножами и тыча кулаками в черные лица, потому что не могли достать до лиц белых. Больно было видеть, как мы душим, истязаем сами себя, потому что не знаем, как бороться с истинным виновником нашей нищеты.

Время не охлаждало гнева белых, продолжавших жить на холме. Как только черная семья похрабрее переселялась на «белую» сторону Сентр-стрит или строила там домик, едва сдерживаемая ярость выходила наружу пожарами и взрывами. Шеф бирмингемской полиции Коннер, по прозвищу «Бык», объявлял по местному радио, что еще одна «черномазая семья» переехала на «белую» сторону нашей улицы и что «сегодня ночью снова прольется кровь»; его предсказание неукоснительно сопровождалось очередным взрывом. Бомбы так часто взрывались на «Динамитном холме», что все как-то привыкли к этому ужасу.

Все, да не все.

«Примерно в то время, когда я поступила учиться в среднюю школу, — рассказывает Анджела, — движение в защиту гражданских прав начало пробуждать кое-кого из черных алабамцев от глубокого, хотя и чуткого сна. Внешне ситуация пока оставалась прежней, казалось, ничего еще не происходит, хотя позади уже был декабрь 1955 года, когда Роза Паркс в Монтгомери отказалась уступить «неположенное» место белому, а Мартин Лютер Кинг возглавил там массовый бойкот автобусов. Все это случилось в какой-то сотне миль от нас, но немногие пока знали об этом, не знали они, что и в нашем городе зреет подобный бойкот в знак протеста против расизма».

В числе этих пока немногих была и Анджела Дэвис. Начинался долгий и нелегкий путь, который привел ее в ряды Компартии США, сделал одним из ведущих борцов за права человека в своей стране. От яростных слез исключенного только за цвет кожи из общих игр ребенка — к четкому пониманию причин человеческой нетерпимости шла девочка с «Динамитного холма». Впрочем, предоставим слово самой Анджеле:

«...Окончив среднюю школу, я уехала учиться в колледж, в Нью-Йорк. Здесь я чувствовала себя как пловец, попавший в неизведанную реку. Какие подводные течения, водовороты, мели, зыбучие пески или болота мне попадутся на пути? Мама была далеко, я была одна, без наставника, который понял бы мои сильные и слабые стороны и помог преодолеть препятствия — те, что неизбежно должны были возникнуть перед молодой черной девушкой, воспитанной на расистском Юге.

Но постепенно я стала осваиваться — и дома, и в школе. А когда на уроках истории я узнала, что такое социализм, передо мной открылся новый мир — оказывается, существует такой идеал социально-экономической организации общества, при котором общество получает от каждого своего члена в соответствии с его способностями и талантами, а он, в свою очередь, получает материальное и духовное вознаграждение в соответствии со своими потребностями.

Что такое *научный* социализм, я еще не понимала, но старалась постигнуть смысл утопических экспериментов построения социализма, о которых мы говорили на уроках истории.

...«Коммунистический манифест» осветил мое сознание как вспышка молнии. Я с жадностью набросилась на него, находя в нем ответы на многие из мучивших меня неразрешимых, казалось, вопросов. Как опытный хирург возвращает слепому зрение, удаляя катаракту, так и это произведение буквально открыло мне глаза. И я вновь увидела искаженные ненавистью лица белых на «Динамитном холме», взрывы бомб и голодных детей в дверях столовой и кровавые побоища на школьном дворе, изолированные места в хвосте автобуса и полицейские облавы — все вдруг стало на свое место. И то, что казалось проявлением ненависти лично ко мне, и необъяснимое в моем представлении упорство белых южан, отказывающихся сдерживать свои расистские эмоции, и непреодолимая покорность черных — все это оказалось неизбежным следствием безжалостной системы, которая поддерживала себя и сохраняла, лишь поощряя злобу, конкуренцию, угнетение одних другими. Прибыль — вот что лежало в основе этой системы, вот что неуклонно и постоянно заставляло людей поступать так, а не иначе, порождало отчаяние и ненависть между ними, — все то дурное, что я сама видела»...

АВТОБИОГРАФИЯ В ВОСЕМЬ ЛЕТ

Элени ПАЙДУССИ

«Я родился в тюрьме Авероффф. Провел в ней почти три года». (Из «Автобиографии» Милтона Големаса)

Эта комната в скромной афинской квартире многое рассказывает о своем хозяине. Маленькое пианино, книги, аккуратно разложенные на столе, настенные плакаты об антифашистской борьбе в Греции — можно было бы подумать, что здесь живет юноша, а не восьмилетний мальчик, если бы на кровати не лежал игрушечный медвежонок.

Да и сам Милтон Големас обычно серьезен, опрятен, разве что после футбола он прибегает домой разгоряченным и шумливым. Он старается говорить лаконично и точно, гордится своими занятиями: еще бы — ведь Милтон одновременно и школьник, и художник, и музыкант, и поэт. Милтона любят все, кто его знает.

Он дает мне почитать «Автобиографию».

— Автобиографию? Но ведь ты еще мальчик, — говорю я.

— Это так, — серьезно отвечает он. — Но я и не собираюсь публиковать ее сейчас. Обожду до старости. Но я начал ее писать потому, что был политическим заключенным еще до своего рождения. Я родился политзаключенным.

Что можно было сказать на это?

Вот первая страница «Автобиографии», написанная детской рукой.

ЧАСТЬ I. МОЯ ЖИЗНЬ В ТЮРЬМЕ

Я родился в тюрьме Авероффф. Провел в ней почти три года. Мои родители были политическими заключенными. Посреди тюремного двора росло чахлое деревце, а рядом стояла часовня. У матери были подруги среди других женщин-политзаключенных: Маргарита, Селини, тетя Димитра и другие.

В тюрьме жила черепаха, мы звали ее Блузи. Была и ящерица. Однажды, когда мама стирала, я прошел рядом и увидел ящерицу. Она подпрыгнула и испугала маму, а меня нет. В нашей камере было очень тесно. В окне не было стекол. И дождь, и снег всегда попадали в камеру. Один из охранников, который относился ко мне хорошо, иногда бросал мне шоколад со своей вышки.

Я забыл сказать, что я был шафером на свадьбе у мамы и папы во время их венчания в тюремной церкви.

Когда я подрос, я стал серьезнее. Я начал ходить в школу, изучать музыку, я стал поэтом, художником и коммунистом.

Во время фашистского военного переворота 1967 года долго скрывавшиеся Элени Вулгари, мать Милтона, и Бабис Големас, его отец, были арестованы и приговорены к длительному тюремному заключению. Элени, которая уже ждала ребенка, дали 10 лет.

Элени и Бабис находились в одной тюрьме, но им не разрешали свиданий. Пока они были подпольщиками, об оформлении брака в церкви не было и речи (гражданская брачная церемония в Греции считается незаконной). Но и теперь, в тюрьме, им отказывали в венчании. Среди охранников нашлись, однако, добрые люди, которые согласились передавать Элени и Бабису записки друг от друга. Так мать и отец «разговаривали» о родившемся в тюрьме ребенке. О Милтоне нежно заботились все 700 женщин-политзаключенных.

Когда Бабис был переведен в камеру, находившуюся как раз напротив камеры Элени, через двор, все заключенные, и мужчины и женщины, старались помочь отцу увидеть своего маленького сына. В уговоренное время мальчика подняли к окну камеры, в которой он содержался вместе с матерью.

— Это был самый трогательный момент в моей жизни, — вспоминает Бабис. — Одни товарищи держали доску, на которой я стоял. Другие следили за дверью камеры, третьи отвлекали разговорами внимание охранников. Наконец я получил условный сигнал. За оконной решеткой камеры на противоположном конце двора я увидел силуэт маленького человечка. Мое сердце оборвалось. Я за-

кричал: «Милтон, ты меня видишь, сынок? Это я, твой папа!» Голос у меня дрожал, я почти хрипел, но Милтон услышал. «Папа, папочка!» И забился в плаче. Я стал кричать, потеряв контроль над собой, и тогда товарищи стащили меня вниз.

— Подготовка к этому «свиданию» отняла у всех нас много сил и времени, — продолжает рассказ Элени, — а Бабис не сдержался и все испортил. Милтону тогда было уже два с половиной года. Слово «папа» он слышал от меня и подруг все время и хорошо знал. Я встала на табурет и подняла сына к окну. Подруги меня поддерживали. Другие наблюдали за камерами и коридорами. За долгие годы в тюрьме мы научились всяким предосторожностям. Но вот Милтон услышал слово «папа» и расплакался. Ребенок ведь... Мы нервничали сами, и ему передалось наше состояние. Пришлось поскорее опустить сына вниз, потому что, если бы нас засекла охрана, всем пришлось бы худо.

— Да, это был незабываемый рождественский подарок, — говорит Бабис и улыбается.

Милтон слушает воспоминания родителей внимательно и серьезно. Я спросила его, помнит ли он что-нибудь о том эпизоде. В ответ он лишь пожал плечами.

— Но я помню всех моих тетушек, — сказал он. — Там у меня было много тетушек, и только одна мама наказывала меня, если я когда-нибудь расстраивал ее. Она говорила: «Милтон, сиди здесь, у ножки стола, и не шуми, а то придет стражник и запрет нас в карцер».

Тюремное заключение не могло не сказаться на здоровье Милтона и его матери. В Афинах и за границей была начата кампания за их освобождение. В результате ребенка удалось вызволить на волю. Его определили в детские ясли, а спустя еще год выпустили из тюрьмы мать Элени, которая тоже была политической заключенной, и она взяла внука к себе в деревню.

Бабушка всю свою жизнь тоже боролась против фашизма. В войну нацисты убили ее мужа, ее дом дважды поджигали, и она оказывалась без крыши над головой с тремя маленькими дочерьми на руках. Не один раз побывала она и в тюрьме.

Милтон часто приставал к ней с вопросами:

— Почему я родился в тюрьме? Что я сделал?

Милтон спрашивал об этом в три года, сразу же после освобождения.

— Какое преступление совершили папа и мама? — спрашивал он, когда ему было четыре, ведь кто-то сказал ему, что тюрьмы созданы для преступников.

Многие годы велась международная кампания за освобождение Элени Вулгари. По телевидению Германской Демократической Республики было рассказано о ее жизни и борьбе, о том, как власти отклоняли апелляции за апелляцией, о том, как ухудшалось состояние ее здоровья.

В 1972 году после долгих мытарств и прошений Элени и Бабису было наконец разрешено жениться в заключении. По этому случаю Милтон был доставлен в тюрьму, где он родился, чтобы присутствовать на церемонии. Об этом он помнит. Он рассказывает, как стоял на ящике, держа венцы над головами родителей, как их потом вновь развели по разным крыльям тюремного здания, как он еще долго стоял один на высоком ящике, потому что его некому было снять. В это время Милтону было пять лет.

Мать Элени ни на минуту не прекращала борьбы за освобождение дочери — ездила в Афины к официальным лицам, писала конгрессменам США, видным зарубежным деятелям, в иностранные газеты. И заботилась о Милтоне, чье здоровье оставляло желать лучшего.

Только в 1973 году освободили Элени, а затем — в 1974 году — и Бабиса. Наконец-то семья объединилась.

Мать Элени говорит, что она теперь впервые в жизни счастлива, хотя и очень больна. Рядом с ней теперь дети и много внуков, которых она раньше никогда не видела. Некоторые из них освобождены из тюрем, другие вернулись домой из социалистических стран, где им было предоставлено политическое убежище. Она улыбается, и ее глаза светятся спокойствием, умом и любовью. «Еще так много надо сделать, — тихо говорит она. — Так много...»

Да, Милтон для своих восьми лет прошел через многие тяжелые испытания. И, глядя, как он гоняет мяч вместе с мальчишками, бегает и кричит как любой восьмилетний мальчуган, невольно спрашиваешь себя, многие ли его сверстники могли бы написать в своих автобиографиях: «Когда я подрос... я стал поэтом, художником и коммунистом».

ЧАСТЬ II. МОЯ ЖИЗНЬ НА СВОБОДЕ

. . . .

(От редакции. Эта часть еще не написана. Да в общем-то и неважно, напишет ли ее Милтон когда-нибудь, — не у всех у нас хватает настойчивости вести дневники. Важно, что жизнь идет и будет прожита более счастливо. Порукой тому трудная жизнь и борьба родителей Милтона и их друзей; порукой тому то знание жизни, та взрослость, которую Милтон приобрел в свои первые восемь лет.)

Перевел с английского Г. ЧЕШЕВ

Никос выбрал профессию

Никос Скофакис представился как член Афинского городского комитета Компартии Греции. Судя по характеру его работы, по тому, что он о ней сам рассказывал, Никос должен был быть человеком общительным, готовым легко и свободно говорить даже с незнакомыми. Ему ведь часто приходится это делать. Но поначалу разговор едва клеился. Мне кажется, я понял тому причину: я ведь пытался говорить о нем, а Никос привык говорить больше о других и о деле, которое его с другими объединяет. Вот тут-то нам и помог альбом фотографий, изданный еще до падения власти «черных полковников».

Снимки на одном развороте были такие: патриархальная сельская сценка, вид на Афины с птичьего полета, цветущие апельсиновые деревья, танки на столичных улицах. И подпись: «Как жаль, что, глядя на эти снимки, читатель не может ощутить аромата цитрусовых, причудливо мешающегося с запахом отработанных газов танковых двигателей; как жаль, что он не может услышать прекрасных мелодий Эллады!»

Скофакис хмыкнул и сказал:

— Действительно жаль... Я-то, правда, все это ощутил. Афины с птичьего полета я впервые увидел в день ареста. Я тогда прятался от охранки на самой верхотуре строящегося дома...

Пауза.

— Моя мама теперь уже такая же старенькая, — говорит наконец Никос, постукивая пальцем по фотографии, на которой видна старушка в черном, с трудом тянущая по крутой узкой улочке усталого мула.

Вот тогда-то мы и разговорились на личные темы.

— Мы жили в деревне, и отец был из крестьян. Но известен он был на всю округу как мастеровой, каменщик. Работал он без простоев — с утра до ночи, потому что и спрос на его искусство всегда был большой, и нужда заставляла. Нас же десятеро было в семье... Когда сейчас вспоминаю о детстве, то первонаперво о том, как мечтал о школе, об образовании, о профессии адвоката... Тебя это удивляет? А на самом деле все просто: у нас один из деревенских выбился в адвокаты, так перед ним метров за десять все кепки снимали. Вот, думал, и мне так бы устроиться...

— Ну и как, устроился?

— Еще как. В десять пас овец, в тринадцать подался в город, где поступил в ученики сначала токаря, потом фрезеровщика, ювелира, маляра, штукатура... Пуд соли съел, пока окончательно понял — на роду тебе, Никос, написано стать строителем. Как отец.

...Все, как у многих, складывалось в судьбе Никоса. Так и мужают мальчики во многих странах — там, где жизнь одних отделена барьером от жизни других. Его почти невозможно преодолеть; и вот по одну сторону — безоблачная зажиточность, власть, простой и такой естественный доступ к образованию, культуре, путешествиям, а по другую — изнурительный и бесконечный труд, разъедающая душу мечта о покое.

— Я ведь к коммунистам пришел не сразу. Когда-то я даже и не знал ничего о них. Для меня политическая жизнь началась с Ламбракиса — депутата парламента, врача, правдолюбца и народного заступника. В 1963 году, после зверского убийства Ламбракиса, трое молодых ребят создали организацию «Молодые ламбракиды». Скоро в ней было уже 250 человек; я стал одним из активистов. Был на моем пути еще один человек — коммунист Тержакис. В те годы, когда демонстрации встречали пулями, Тержакису, как одному из руководителей профсоюзного движения, удалось достигнуть невероятного: на пик террора пришелся пик профсоюзной борьбы. Рабочие, и прежде всего мы, строители, добились-таки значительных уступок. Конечно, тогда я не мог и догадываться, что у нас с Тержакисом общая судьба, — мы встретились с ним в тюрьме на острове Лерос...

— Никос, сегодня ты на свободе. И ты, как я знаю, занят вместе с товарищами прежним делом: делом борьбы за права тех, кто трудится, за их свободу, за осуществление надежд каждого. Ну а как мечта; ты ведь не стал адвокатом?

— Да уж, не получился из меня законник. Но мы, коммунисты, считаем себя защитниками людей труда. По-моему, это не менее почетная профессия. Как ты считаешь?

В. НАСТАСЬИН

— КУДА ТЫ ХОДИЛ ?
— Гулять
— ЧТО ТЫ ДЕЛАЛ ?
— Ничего

Роберт Поль СМИТ,
американский писатель

Американский писатель и драматург Роберт Поль Смит однажды обнаружил, что ни его собственные дети, ни их приятели понятия не имеют о тех играх, в которые играл он сам, когда был ребенком. Больше того, ему показалось, что нынешние дети даже к жизни относятся по-другому, и, окажись они каким-то чудом в его детстве, им там не понять друг друга. Не то что они не стали бы там друзьями, а просто прошли бы мимо, как проходят мимо дерева или камня... Так ему показалось вначале. И тогда он написал книгу со странным названием: «— Куда ты ходил? — Гулять. — Что ты делал? — Ничего».

По правде сказать, я не понимаю, как ребята сейчас проводят время. На прошлой неделе я оказался в компании мальчишек лет так от десяти до четырнадцати (мне сорок один), и, так как никто из них не мог придумать, чем заняться в ближайшие полчаса, я спросил: «А не сыграть ли нам в «ножички»?» Никто из этих умников, оказывается, не знал такой игры. Ну ладно, подумал я, не умеете в «ножички», давайте в «землемеры». Один из них знал, что нужно начертить круг, разделить его пополам и потом отсекать куски. Он даже обыграл меня, но, я подозреваю, потому, что это был его собственный нож и совсем не такой, каким играли мы, когда были мальчишками.

В наше время велись разговоры, что отец и сын должны быть друзьями. Еще одна глупая теория, которую придумали взрослые. Мы, наоборот, считали, что взрослые наши враги, и, если чей-нибудь отец лез к нам в приятели, мы были уверены, что он либо спятил, либо шпионит. Мы учились всему у других ребят. Стоишь, бывало, и смотришь, как большие мальчишки, лет девяти-десяти, играют в «ножички», переминаешься с ноги на ногу, вытираешь нос рукавом, подтягиваешь штаны и ноешь: «Ну дайте мне, ну хоть разок», пока не получишь пинка. Пойдешь сядешь на крылечке или найдешь себе жертву, совсем малявку какую-нибудь, или начнешь мешать сестре прыгать через веревочку, или станешь собирать маленькие круглые камешки. Маленькие круглые камешки были ни для чего, просто это была коллекция маленьких круглых камешков.

В один прекрасный день начнешь просить: «Ну дайте разок!» — и чей-нибудь старший брат, добрая душа, уж, конечно, не твой, скажет: «Ладно вы, дайте ему разок кинуть». И вот до невозможности счастливый, ты, наконец, играешь в «ножички».

...В общем, я научил этих ребят играть в «ножички», и, как знать, не встреть они меня в тот день, может быть, лет через пятнадцать им пришлось бы оберегать игроков в «ножички», как розовую цаплю, например, или странствующего голубя, — но почему же одни ребята не могут научить других играть в «ножички»? Что эти ребята делают целыми днями?

Насколько мне известно, они и в «шарики» больше не играют. То есть играют, конечно, но не так. По телевизору даже показывают чемпионат страны по шарикам. Что за чушь? Кому интересно, кто будет чемпионом *страны* по шарикам? Гораздо важнее, кто лучший игрок в твоем квартале. И потом, у них какие-то дурацкие шарики — с кольцом, нарисованным краской. Бьюсь об заклад, у них даже письменное руководство есть. В наше время правила игры были записаны у ребят в голове. И заключались они в том, что, как только земля оттает, любой нормальный парень по дороге из школы или на перемене ставит левый каблук под углом сорок пять градусов к земле и обходит его правой ногой до тех пор, пока не получится определенного размера лунка. Ее не нужно было измерять. Мы все знали, какого она должна быть размера. Я мог бы сейчас выйти на улицу и сделать точно такую лунку. (И я сделал. Получилась в точности лунка для шарика. Носком ботинка я провел черту на определенном расстоянии от лунки. Опять же оно не измеряется в футах. Это именно то расстояние, на котором черта должна находиться от лунки.) Затем надо было встать у этой черты и снизу кидать шарики в лунку. Шарики носили в специальных мешочках, сшитых по твоей просьбе мамой, и клали их обычно в один карман, потому что каждому нормальному мальчишке нравится, чтобы у него карман оттопыривался. Взрослые внушали нам, что мы не должны превращать свое увлечение в азартную игру, но это была еще одна чушь, наподобие той, про отцов-друзей. Как-то раз я задолжал мальчику по имени Чарли Пальяро сто сорок четыре шарика. Он играл со мной, пока у меня не осталось ни одного, тогда он открыл мне кредит, и я все удваивал и удваивал свой долг. Прежде всего надо уяснить себе, что такого количества, как сто сорок четыре шарика, не существует в природе. Ну двадцать еще наберется. Ну, с помощью друзей тридцать шесть. Или, если согласиться до конца жизни быть в кабале у мальчишек своего квартала, ты получишь штук шестьдесят. Но Чарли грозился отрезать мне голову ножом, а нож у него был не бойскаутский, потому что Чарли не был бойскаутом. И я не сомневался, что он это сделает. А главное, я верил, что Чарли верит, что он это сделает. Я до сих пор в это верю.

И вот идешь, бывало, к матери и говоришь: «Я должен Чарли Пальяро сто сорок четыре шарика». А мать говорит: «Я предупреждала тебя, не увлекайся». Идешь к отцу: «Я должен Чарли Пальяро сто сорок четыре шарика». Отец говорит: «Сто сорок четыре? Ну так скажи ему, что ты переоценил свои возможности».

Идешь к своему лучшему другу. Он верит, что Чарли Пальяро отрежет тебе голову. Он дает взаймы три стеклянных шарика и один металлический, который, насколько я помню, был равноценен пяти стеклянным, а большой — десяти, если, конечно, парню, с которым ты заключил сделку, нужен металлический шарик. Два выпуска «Юных союзников», коробка из-под гильз, клятвенное заверение, что ты будешь до конца жизни делать за Чарли письменные уроки, да еще двадцать центов наличными — и вы в расчете.

(Мне сдается, что Чарли Пальяро жив и, может быть, даже один из столпов общества. Вам он, наверно, напоминает тех ребят в черных кожаных куртках и мотоциклетных шлемах, которых теперь так много развелось. Но вы ошибаетесь. Отрицать, что он был хулиганом, с моей стороны нечестно. Нечестно было бы и отрицать, что иногда мы бросались камнями, целясь прямо в голову. Я был далеко не силач и по возможности избегал драки. И тем не менее драк на моем счету более чем достаточно. Но Чарли не замахивался на меня ножом, да и вряд ли он на кого-нибудь замахивался ножом; какие бы ссоры между нами ни происходили, я не помню, чтобы кто-нибудь из ребят ударил другого чем-либо, кроме как кулаком или ногой. Но времена меняются.)

Может быть, мне уже много лет, но в некоторых вещах я разбираюсь сейчас куда меньше, чем когда был мальчишкой. Все, что мы знали в то время, что узнавали от других ребят, не было ни абсолютной истиной, ни даже чем-то в высшей степени вероятным, это не было доказано ни наукой, ни опросами, ни обзорами. Это просто было именно так. Мы были дикарями, мы находились на той стадии развития человечества, когда земля стоит на месте, а все остальное вращается вокруг нее. Я писал на обложке учебников, как, вероятно, все мальчишки на свете, в том числе и Джеймс Джойс, и Эйб Линкольн, и, я уверен, Микеланджело, в нисходящем порядке свое имя, свою улицу, свой город, свой округ, свой штат, свою страну, свой континент, свое полушарие, свою планету, свою солнечную систему. И не будем кривить душой, все начиналось с меня; из числа концентрических кругов вселенная была внешним кругом, а центральной точкой был я, весивший в своих тяжелых промокших ботинках шестьдесят два фунта (38 кг). Мне кажется, но, может быть, я и ошибаюсь, что ребята сейчас так не думают. Это еще и потому, что мы, взрослые, постоянно накачиваем наших детей прописными истинами. А им нужна не наука. Им нужно волшебство. Им нужны не гипотезы, а неопровержимые доказательства. Странная штука: насколько я помню, никто не заботился о том, что происходит у нас в голове, и, как видите, все обошлось. Наступал момент, когда мы обнаруживали, что на самом

деле все совсем не так. Даже похожего ничего нет. Ну и что?! Порежешь кожу между большим и указательным пальцем, умрешь. Вот так. Безо всяких оговорок. Порежешь — умрешь. Будешь есть кусковой сахар — заведутся глисты. Разрежешь червяка пополам — он ничего не почувствует, а у тебя будут два червяка. Пройдешь мимо дома, где карантин, и не затаишь дыхания, обязательно заболеешь и умрешь... Но бывали у нас между пальцев порезы, и мы не умирали, и это не меняло наших убеждений. Мы грызли рафинад, и я не помню, чтобы у кого-нибудь завелись глисты. Но факт оставался фактом. Мы смотрели на следующий день, и обе половинки червяка оказывались мертвыми; у моей сестры была скарлатина, и я наверняка раза два вздохнул в ее присутствии. Но факты — одно, а убеждения — другое.

Мы получали учебники, шли домой, где у нас в ящике кухонного стола хранилась оберточная бумага от покупок, и мы обертывали ею книги, загибая уголки совершенно особым способом. Некоторые девочки обертывали книги кусками обоев и приклеивали уголки, но они делали неправильно. Правильнее было уголки подгибать. Я не могу понять, почему сейчас у нас в доме нет ящика с оберточной бумагой. Моя жена, выросшая в Нью-Йорке, *покупает* оберточную бумагу. Она не сохраняет ни коробок, ни катушек, и у нее даже нет коробки для пуговиц. Мы, я помню, по полгода ждали пустой катушки. У моей матери в коробке с шитьем была одна большая катушка, из тех, что употребляют на швейных фабриках. Из нее можно было сделать самый большой катушечный танк в нашем квартале. Нет, что я, в квартале. В мире. Об этой драгоценной катушке я мечтал больше всего на свете.

И еще. Когда я был маленьким, год делился на сезоны. Был сезон, когда мы играли в «ножички». Был сезон, когда мы клеили змеев. Был сезон, когда мы из носового платка, веревочки и камня делали парашюты. Наступало время и для катушечных танков. И для футбола. Это было примерно как в природе, когда на деревьях распускаются листья. Что-то щелкнет, придет в движение какой-то механизм, и ты встаешь утром и кладешь в карман шарики, потому что в этот день начинают играть в «шарики». Кончался сезон шариков, и мы все это чувствовали. Никто об этом даже не говорил. Просто он кончался, и все.

Были и другие деления: до семи лет, например, мальчик мог играть в «классы». Затем железная дверь захлопывалась, и «классы» были только для девочек. В моем квартале ни один мальчик, какого бы он ни был возраста, не мог скакать через веревочку. Играть в «выше и выше» еще можно было: это когда две девочки держат прыгалки (кусок бельевой веревки), поднимая их все выше и выше, пока мальчик не заденет веревку ногой и не упадет. Девочкам можно было ездить на мужских велосипедах, мальчикам на женских — нельзя. Девочкам разрешалось играть в салочки, но не разрешалось в чехарду. Девочки могли держать учебники обеими руками, прижимая к животу, мальчики же должны были поддерживать их одной рукой, прижимая к боку. Девочки могли иногда, с особого разрешения, играть в «шарики», в «ножички» же — нет; после четырнадцати лет, правда, их принимали в любую игру.

...Жаркий летний день, на небе собираются тучи, и начинается дождь, тяжелые капли падают на тротуар, и вот уже в каждом доме слышится: «Мам, ну мам, можно?»; распахиваются двери, и дети всего квартала выбегают в купальниках и прыгают под теплым дождем. Тогда это разрешалось детям.

Можно было найти своего лучшего друга и отправиться в далекую прогулку, подкидывая носком ботинка консервную банку, а потом сесть где-нибудь, прислонившись спиной к изгороди, смотреть на небо и размышлять. То же самое можно было делать одному, у себя во дворе: смотреть, как по небу плывут разные силуэты. Не помню, сколько мне было лет, когда я обратился к кому-то за разъяснениями, и мне сказали, что эти удивительные меняющиеся пятна не что иное, как дефекты в моем глазном яблоке. В *вашем* яблоке! Очень долго, все детские годы, небо кажется полным чудес, и эти силуэты, конечно, там, в небе. Они почти невидимы, почти бесплотны, но сквозь них можно пройти, это животные, которые живут в воздухе.

Ложишься, бывало, спать, берешь большой палец правой ноги левой рукой, правую руку закидываешь за голову и держишь ею мочку левого уха — чтобы проверить, проснешься на следующее утро в той же позе или нет. А то, бывало, сидим с моим другом на заднем крылечке и запихиваем в бутылку из-под молока кусочек лакрицы, какое-то лекарство, которое его мать выбросила, разбирая аптечку, немножко соли, немножко перцу, дольку шоколада, ложку малинового джема, железку, немножко кетчупа, кусок резинки, акварельную краску, выпрошенную у сестры, потом зальем все это водой и молоком, взболтаем и предлагаем друг другу отпить. Попробуем, скажем: вкусно, а это и вправду вкусно.

Видите ли, нам никогда и в голову не приходило, что ничего не делать — это плохо. Теперь же, стоит увидеть, что ребенок лежит, уставившись в потолок, начинают беспокоиться, не случилось ли с ним чего. А с ним ничего не случилось, он просто размышляет. Он пытается понять, так же ли он дышит, когда думает об этом и когда не думает. Он выясняет, сколько времени может не моргать. Он думает, чей отец хуже: его или Карла; каким бы он был, если бы его отец не женился на его матери; есть ли на свете другой мальчик, похожий на него настолько, что сейчас он сидит и думает об этом же. Наконец, он просто разглядывает свой большой палец. Но уж только не расспрашивать взрослых.

— Пап, смотри, головастик!

— Угу, — буркнет отец.

А приятель скажет:

— Ого! Где ты его взял? А там еще есть? Чего тебе за него дать?

— Мам, знаешь что? Братишка Теда Фенстера ест землю.

— Смотри не вздумай и ты это делать! — сердито скажет мать.

— Ну да! — удивится приятель. — Землю? Настоящую? Ты уверен?

— Давай дадим ему пенни, и он покажет, — предложишь ты, и вы идете искать малыша Фенстера, и, о господи, сколько же он съест грязи за пенни!

Ни меня, ни моих сестер не били. Зато помню, как другие приходили в школу и с гордостью рассказывали, какую порку задал им отец. И когда они рассказывали, нам, небитым, было даже завидно: ведь теперь они обрели полную свободу. Враг раскрывал свои карты, и ребята даже не задавались вопросом, почему отец прав. Он прав, потому что сильнее. Значит, надо тоже стать сильным, и тогда посмотрим, кто с кем сладит. А пока помалкивай. И не думайте, пожалуйста, будто мы, дети, не знали, что, хоть отец тебя и выпорол, на самом деле проиграл-то он, потому что теперь его мучают угрызения совести и из него можно веревки вить.

предметам, кроме одного. Из месяца в месяц чистописание — «неудовлетворительно». Мама просматривала мой табель, умоляла писать чище и подписывала. Этим ограничивалась связь моих родителей со школой. Затем в один миг все изменилось. Начались всякие «весьма удовлетворительно», «вполне удовлетворительно», «почти удовлетворительно», «более или менее удовлетворительно» и тому подобное рукоделие. Затем пошли: «мог бы учиться лучше, если бы старался» или «делает успехи». И лишь изредка — «очень хорошо». Эта скупая похвала нам, признаться, нравилась. Ведь она исходила от врага. Не то что слащавые замечания, которыми испещрены табеля моих ребят, вроде «ладит с коллективом», «не участвует (или участвует) в общественной жизни». У нас в отношениях с учителями была полная ясность. Если нам *удалось* заставить учителя признать, что мы успеваем хорошо, значит, мы действительно успевали хорошо. Вряд ли мои дети могут понять, как у них идут дела на самом деле: они купаются в таком сладком успокоительном сиропе, что убедить их в том, что они достигли каких-то необыкновенных успехов, можно лишь с помощью салюта из двадцати четырех орудий, а в обратном — не иначе, как посадив в тюрьму. А впрочем, я думаю, они знают, как это свойственно всем детям, когда их хвалят. *Они-то* знают, даже если мы не знаем, стоящие они люди или нет.

Но главное, чем отличалось наше детство от детства нынешних ребят, это то, что мы проводили очень много времени, ничего не делая. У нас было такое занятие: «просто так бегать». Это вовсе никакая не игра. Может, мы все были идиотами какими-нибудь, но большую часть времени мы просто так бегали.

Нам нравилось наблюдать, как строят дом, как ремонтируют машину, как другой мальчик ставит заплатку на шину велосипеда. Мы смотрели, как мужчины роют канавы, взбираются на телефонные столбы — я до сих пор слышу скрежет «кошек» по железу, смотрели, как приближаются поезда, как работают чистильщики обуви, как наши отцы играют в карты, а матери варят варенье. Мы обматывали друг друга бечевкой, ремнями, веревкой. Мы сидели в ящиках; мы сидели под крыльцом; мы сидели на крыше; мы раскачивались на ветках. Мы стояли на досках, перекинутых через котлован; мы стояли на куче листьев; мы стояли под карнизом, откуда нам за шиворот стекали струйки дождя. Мы разглядывали перочинные ножи, шарики, земляные орехи, кузнечиков, облака, собак, людей. Мы прыгали, скакали на одной ноге, носились галопом — просто так, без всякой цели, прыгали, и все. Мы пели, свистели, горланили. Мы ничего не делали.

Бывало, что и мы скучали, как теперь скучают мои дети. Но мы не знали этого слова. Теперь я хорошо знаю, что такое скука... Никогда больше я не увижу такой красивой полосатой ленточки, какая была у моей сестры. А разве может быть что-нибудь вкуснее кукурузных хлопьев «Сельский джентльмен»? Или интереснее, чем сделать на тарелке из пюре гору с кратером и налить туда подливу? Ни одна книга на свете не будет больше начинаться: «Том!» — Нет ответа. — «Том!» — Нет ответа». Никогда у меня не будет таких друзей, как тогда, и мне никогда больше, я уверен, не найти наконечника для стрелы...

Мне попало один-единственный раз. Сестра лежала на полу и читала какую-то смешную газету. Это было в воскресенье. Я же ходил по дому и искал кого-нибудь, кто почитает мне эту же газету. И тут я вижу ее. Нечаянно я наступил ей на руку, и она вскрикнула: «Ой!» Отец шлепнул меня. Не потому, что я наступил ей на руку, а потому, что не извинился. Не извинился же я потому, что знал, что сделал это не нарочно. А в те времена это считалось уважительной причиной. Если ты сделал что-нибудь нарочно, ты должен извиниться, если случайно — скажешь ты правду или соврешь, это лежало только на твоей совести.

Ребенком я читал рассказы Дана Биэрда о бойскаутах, всего Киплинга. Как ни странно, меня никогда не интересовали так называемые «детские» книжки. Помню, мне читали какую-то муру «Бобби и большая дорога». От нее, наверно, и пошли все эти теперешние сюсюкалки про лохматых мишек.

Это продолжалось до тех пор, пока мы не открыли Жюля Верна. Затем дядя подарил мне полное собрание сочинений Марка Твена — и теперь я был обеспечен до конца жизни. Я начал с тома I и прочел все двадцать. Придя к выводу, что лучше этого ничего быть не может, я снова взялся за первый том. С тех пор так и читаю, один том за другим.

В мое время в школе практиковалось несколько видов наказаний. Первое — оставление после уроков. Второе — отправка в раздевалку. Третье — вызов в кабинет к директору. Четвертое — вызов родителей. И пятое — не знаю, как назвать. В общем, тебя не пускали в школу, пока ты чего-то там не сделаешь. Дома ты при этом тоже не мог оставаться — попадет от родителей. Это было самое тяжелое наказание.

Возьмем, к примеру, второе наказание — раздевалку. Меня, разумеется, отсылали туда несправедливо. На свете не найдется учителя, который отправил бы в раздевалку действительно виновного. Итак, заняться там было абсолютно нечем. В углу я разглядел коробку с мелом. Я отодвинул крышку. И ЗНАЕТЕ, ЧТО: мела там не было и в помине. Она была доверху наполнена НОЖАМИ.

Сейчас объясню.

Если ты в школе вынул из кармана нож и учитель его увидел, считай, что ножа у тебя больше нет. Я же просил у родителей всегда лишь одну вещь: нож. Мне было бы куда приятней сказать сейчас, что я поборол искушение, но должен признаться: я стащил нож без малейших колебаний, с радостью сунул его в карман и за все сорок с лишним лет, будучи человеком совестливым, ни разу не испытал раскаяния. Я взял то, что мне принадлежало по праву.

Я хороший отец и исполнительный муж. Женат я уже шестнадцатый год. Я стирал пеленки и давал детям лекарства, я разговаривал с ними и слушал их, я купал их и укачивал, я ходил с ними плавать и возил их на закорках, и мне кажется, что я очень хорошо их знаю. Но спросите меня, в каком они классе, какого цвета у них глаза, какой рост у моей жены, я не отвечу. Если же вам интересно, как выглядел этот *нож*, я могу дать совершенно точное описание...

Когда-то, на заре моей юности, светлые административные головы додумались не оценивать знания детей по 100-балльной системе и даже не ставить им «отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо», а сделать только две оценки: «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Мой табель отличался редким однообразием. У меня было «удовлетворительно» по всем

А теперь я попрошу вас меня извинить: мне позарез нужно посидеть на ступеньках и понаблюдать за некоторыми растениями.

Перевела с английского М. КРИГЕР

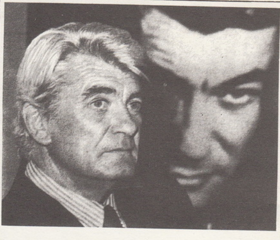
ГОРОД НА ОРБИТЕ?

Есть такая точка в космосе, где силы притяжения Земли и Луны находятся в полном равновесии. Ученые называют ее Либрейшн-5, или, более фамильярно, Л-5. Под этим же сокращением известно международное научное общество, занимающееся разработкой проектов космических станций.

Американские ученые полагают, что уже через пятнадцать-шестнадцать лет человечество будет в состоянии построить станцию на десять тысяч человек. 98 процентов необходимых материалов — алюминий, титан и прочее — могла бы, считают они, дать Луна. Характерной чертой проекта является создание на станциях земных условий жизни — городов и поселков с магазинами, кинотеатрами, просторными и живописными зонами отдыха, с привычными для человека силой притяжения и сменой дня и ночи.

Один из проектов представляет собой два цилиндра, обращающиеся вокруг общей оси. Длина каждого цилиндра — километр, радиус — сто метров; период обращения — 21 секунда.

СТРОГОЕ ЗЕРКАЛО ВОСПОМИНАНИЙ

«Зеркало моих воспоминаний» — называется книга мемуаров Жана Маре, вышедшая недавно в Париже. 63-летний актер пишет: «Настала моя пора оглянуться. Что ж, я был тщеславен, ленив, заносчив и дерзок. Слава пришла ко мне скорее благодаря моей внешности и мастерству каскадера, чем актерскому таланту. Теперь я вижу — когда люди восхищаются смелостью, они перестают обращать внимание на талант».

Но для такого признания как раз нужна смелость. Кто-то, может быть, скажет, что актер, блестяще сыгравший и благородного графа Монте-Кристо, и буффонадного суперпреступника Фантомаса, и тонкого поэта в «Орфее» Кокто, кокетничает с публикой. Вряд ли. Горечь этих слов, пожалуй, говорит о другом — о том, что талант обычно строг к себе; о том, что человеку в старости (хотя какой Маре старик!) нередко кажется, что все можно было сделать лучше. Много лучше!..

КЛУБЯТСЯ КЛУБЫ... То и дело поступают из Англии сообщения об образовании новых клубов, объединений, союзов, ассоциаций, обществ и групп. Говорят, достаточно двоим сойтись на любом пустяке — и вот, пожалуйста, еще одна общественная организация. Конечно, есть и более солидные организации, такие, как «Общество мужей, которых бьют жены» (и наоборот), «Союз покинутых детей», «Лига вдов, играющих в крикет», «Ассоциация любителей темного пива» и пр. Так вот, последним, официально зарегистрированным объединением стал «Клуб королев красоты». Речь идет о «королевах», выбранных на, так сказать, рядовых форумах — районных, городских, графских и пр.

Программа деятельности клуба пока еще не ясна, но, говорят, он будет заниматься в основном одним кардинальным вопросом — устройством жизни «королев» среди массы простых смертных. Пока же на учредительном заседании, которое вел сам председатель, некий Дэвид Бергер, был решен один немаловажный вопрос — о клубной одежде. Решено было, что во время заседаний «королевы» будут в строгих пляжных костюмах.

УТРЕННИК В ЧИКАГСКОЙ ШКОЛЕ

В одной из чикагских негритянских школ проходило торжество; дети, вызывая у матерей слезы умиления и гордости, выходили на сцену, волновались и путали слова — все как обычно, как на любом утреннике в любой школе мира. Необычным было лишь то, что́ читали со сцены дети. А читали они свои письма, адресованные чикагским бизнесменам и городским властям. Вот письмо восьмилетнего Билла Хорнса: «Я скоро стану взрослым, осталось всего 7—8 лет. Я очень вас прошу, предоставьте мне к этому времени какую-нибудь работу, а то мой старший брат уже полгода без работы». Всего таких писем было 800. Дети сами их написали. Никто не учил. Муниципалитет не остался глух к детским просьбам; детям торжественно обещали в будущем целых 80 вакансий. На первый взгляд это даже странно — чего бы властям скупиться, отчего еще не пообещать? Так ведь засмеют не то что взрослые, дети засмеют при нынешнем масштабе безработицы.

НЕПРОСТОЕ ДЕЛО — ПРИЧЕСКА

Причуды моды — скачки юбок, перепады ширины штанин и галстуков, замысловатость причесок и все такое прочее — служили верной темой не для одного поколения художников-карикатуристов. Но на этот раз к «парикмахерской» теме обратились отнюдь не карикатуристы — взгляните на серию марок, выпущенную Министерством транспорта и коммуникаций Эфиопии в самом конце 1975 года, который был, как известно, годом женщины. Вот какие традиционные прически предлагают представительницы различных народностей Эфиопии — красиво, не так ли? Вообще же проблемам сохранения самобытности национальных культур народов страны — от амхарцев до галла, от тиграи до сомали — после свержения монархии стали уделять существенное внимание. Недаром на конверте написано, что данная серия марок всего лишь первая и что в дальнейшем нас ожидают новые, не менее интересные филателистические и этнографические знакомства.

АВАНГАРДИСТЫ АВТОМОБИЛЬНЫХ ОТХОДОВ

Про архитектуру говорят, что это музыка, застывшая в камне. Менее красивое, но, быть может, более точное определение архитектуры — «высказанные в камне мысли общества о себе самом».

Случайно ли, замечают искусствоведы, представления Америки о себе нашли выражение в гигантских небоскребах, в которых «читается» не только мощь, но и стремление подавить, продиктовать всем и вся свою линию, свою точку зрения.

Но есть в Америке и другая архитектура, как есть и группы, не приемлющие философию и нормы истеблишмента. Часто эти группы малочисленны и развитие их мыслей далеко от основного русла критики, но даже такие «окраинные» поиски обнаруживают противоречия того, что принято называть «американским образом жизни».

Недавно во Франции состоялась выставка фотографий необычных домов, созданных в последние годы в США. Тут были не только дома из новейших материалов — главная часть выставки рассказывала о домах «Бросового города», основанного в 1965 году двумя художниками в штате Колорадо. Дома там собирались из плоскостей машин, выброшенных на свалку. Этот «город» на отходах, эта «камера декомпрессии Америки» стали своеобразным выражением борьбы молодых против экологической угрозы.

И СНОВА МАУГЛИ...

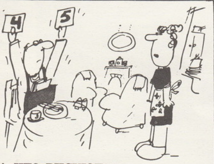
Когда в печати появляются сообщения об очередных Маугли, за ними привычно следуют опровержения — как правило, Маугли оказываются самозванцами. Но на этот раз в Бурунди, похоже, нашли настоящего — новый Маугли, мальчик семи лет, жил в стаде обезьян-бандерлогов. Сейчас мальчик находится под наблюдением врачей, которые осторожно прививают ему необходимые жизненные навыки, — на снимке вы видите, как он учится открывать дверь.

Врачи говорят, что Маугли — ученик смышленый и что ему повезло, поскольку бандерлоги не читали Киплинга, — по книге, как вы помните, именно они были злейшими врагами вскормленного волчицей ребенка.

РАВНОПРАВИЕ. Жители и особенно жительницы Австралии часто возмущаются тем, что ученые называют тайфуны исключительно женскими именами. Министр науки Уильям Моррисон согласен с ними: «Ответственность за убытки, причиняемые тайфунами, должна ложиться на представителей обоих полов». Откуда же взялась эта «несправедливая» традиция? Еще в конце прошлого века бюро прогнозов погоды штата Квинсленд начало называть тайфуны именами известных политических деятелей. Политики, конечно, обиделись. Пришлось перейти на имена их жен, а потом и вообще на женские имена. Как известно, дурные примеры заразительны, и вскоре эта практика распространилась по всему белому свету.

ПРОФСОЮЗ ПРИ ДВОРЕ И не при каком-нибудь, а королевском. Профессиональный союз, куда вошло 50 человек (камердинеры, горничные, повара, телохранители, шоферы и прочий обслуживающий персонал), был образован недавно при дворе датской королевы Маргарете. Избранный председателем профсоюза сержант королевской гвардии Генри Ульструп на первом общем собрании заявил, что будет вести решительную борьбу за сокращение рабочего дня и модернизацию помещений для отдыха.

Впрочем, как пишет журнал «Штерн», гвардейцу будет трудно развернуться: по закону бастовать придворным не положено.

А ЧТО РИСУЮТ?

(ПО СЛЕДАМ ЗИМНЕЙ ОЛИМПИАДЫ)

Тебе надоели низкие оценки? А мне надоели сырые макароны. Я уже пять лет слышу — «вертишься волчком», но где артистизм исполнения?

«Эуропео», Италия

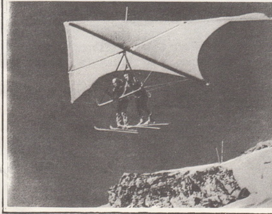
АЭРОПОРТ

Перед вами фотография международного аэропорта. Пусть не удивляет вас его пустынность — все-таки это Южный полюс. Пусть не удивляет вас легкий наряд стюардессы — это всего лишь манекен...

Другое дело, что нас давно уже не поражает, что вот уже 20 с лишним лет в Антарктиде, царстве жесточайшего холода, идет постоянная работа. Ученые 12 стран объединили свои усилия и с 1955 года — Международного геофизического года — ведут наступление на тайны шестого континента. Конечно, Антарктида от нас «за семью морями», но это вовсе не значит, что она вне нашего мира. Судите сами: 95 процентов территории Антарктиды покрыто льдом, средняя толщина которого достигает двухсот метров. Подсчитано, что общий объем запасов льда составляет 30 миллионов кубических километров. Если бы весь этот лед внезапно растаял, уровень Мирового океана поднялся бы на 60—80 метров. К чему эти цифры? А к тому, что Антарктида — бесценный для нашей планеты резервуар пресной воды.

Множество загадок хранит Антарктида. Немало открытий было уже сделано там. Кстати, одно из них — не новое, но вновь подтвержденное — о плодотворности мирного сотрудничества стран и их ученых во имя общечеловеческого прогресса. Так что не случайно Антарктида стала международным аэропортом.

КТО ВИТАЕТ В В ОБЛАКАХ?

В небесах нынче тесно. Не только от самолетов и вертолетов. В таких странах, как Франция, Австрия, Швейцария, все популярнее становятся полеты на змеях. Быть может, скоро в моду войдут и такие вот парные полеты, пока же это эксперимент — и прежде всего для этой пары. В воздухе жених и невеста: швейцарцы Мария Гислер и Отто Хофштеттер, как и положено влюбленным, начинают совместную жизнь на высоте. Точнее, на высоте 2600 метров.

Вначале жил-был мальчик... Он родился на бумаге под пером шведской писательницы Марии Грипе в 1957 году. Его звали Хуго. Так называлась и книга — «Хуго».

Потом родилась девочка Жозефина. Это опять была книга.

Потом Хуго стало скучно без Жозефины. Так появилась книга «Хуго и Жозефина». Потом Жозефина не смогла жить без Хуго, и это стало книгой «Жозефина и Хуго». А потом была речь Марии Грипе, произнесенная ею 25 октября 1974 года в Рио-де-Жанейро по случаю вручения ей высшей международной награды в области детской литературы — медали имени Ганса Христиана Андерсена.

Вот так было все просто, если говорить об этом коротко. А как это происходило в действительности, рассказывает сама Мария Грипе.

МЕДАЛЬ ЗА ПАМЯТЬ О ДЕТСТВЕ

Мария ГРИПЕ,
шведская писательница

О, я прекрасно знаю, что есть множество моих коллег, которые пишут так же хорошо или даже лучше меня. Так что я далека от обольщения, будто я лучше всех, просто мне повезло. Вообще мне кажется, что в получении премий есть большой элемент удачи.

С Андерсеном же у меня сложились особые отношения. Я, по существу, росла вместе с ним. В семье мы называли его просто Г. Х., и наша жизнь была неотделима от него. Все шло от отца, по убеждению которого, Андерсен, пожалуй, единственный заслуживал звания «автор», в то время как остальные были всего-навсего «писатели», а между этими двумя категориями была огромная пропасть. Всякий может стать писателем, но не автором! Их всего горстка избранных — но Г. Х. на голову превосходил даже других авторов.

Отец не жалел сил, чтобы втолковать нам это, и, поскольку никто из детей не собирался стать писателем, мы приняли отцовские слова на веру.

Правда, я уже тогда немного пописывала — всякие пустяки, которые ни за что на свете не осмелилась бы никому показать. Я записывала их в обычные голубые тетрадки, которые покупала по дешевке у школьного сторожа. Тетрадки имели несколько достоинств: они не привлекали внимания, их легко было спрятать в школьные учебники и их легко было изорвать в клочки. Когда тетрадь наполнялась, я пыталась прочитать ее, но уже на середине начинала краснеть и ерзать, и дело неизменно кончалось тем, что я в сердцах рвала тетрадь и выбрасывала в корзину для мусора.

Вот почему до сих пор не могу понять, как могло получиться, что в один прекрасный день я оставила тетрадку на самом видном месте. Непростительная беспечность! Оставив ее на столике в прихожей, я выбежала за дверь.

Первым, кого я увидела, вернувшись домой, был отец. Он стоял перед зеркалом в прихожей, и свет от лампы с потолка падал на раскрытую тетрадь, которую он держал в руках.

У меня замерло сердце, но я не посмела издать ни звука.

К счастью, в тетради были исписаны лишь несколько листков, кажется, это были рассуждения о птицах. Отец листал страницы и читал... читал...

Я стояла в страхе и надежде и беззвучно ожидала приговора.

Наконец он поднял глаза — в отце было шесть футов и шесть дюймов, а я еще была коротышкой, — и в зеркале встретился со мной взглядом. Глаза у него были большие, темно-синие, и он уставился ими на меня с мягким сожалением. Я съежилась, точно помню, что я стала еще меньше, чем была на самом деле.

Отец все молчал, качая головой, наконец открыл рот.

— Ужасная дребедень, дорогая! — произнес он.

И тут же добавил кратко, но очень дружелюбно, что никто и никогда не должен браться за перо до тех пор, пока ему не о чем писать. А мне лучше бы употребить время на более полезные занятия, например, приналечь на родной шведский язык и, по крайней мере, научиться членораздельно выражать свои мысли к тому времени, когда в будущем у меня появится нечто такое, о чем стоит писать. Впрочем, по лицу его было видно, что он весьма сомневался на этот счет.

— Вот Андерсен — ему было о чем писать, можешь мне поверить! — воскликнул отец. И должна признаться, тут он был совершенно прав.

Когда прошедшей весной мне сообщили, что я удостоилась медали Андерсена, моей первой мыслью было: «Как жаль, что отец не дожил до этого дня! Как бы он гордился мною!»

И в глубине души у меня возникла вздорная надежда, что отец как-нибудь узнает, что его дочери присудили премию имени Г. Х. Андерсена.

Но затем меня охватили сомнения. Действительно ли отец был бы рад и горд? Нет уж... может, оно и к лучшему, что он не узнает...

Но если он все-таки прознал об этом на небесах, то, наверное, поспешил к Г. Х. Андерсену, чтобы извиниться за мою неслыханную дерзость и самомнение, за

то, что получаю здесь медаль, которая носит его досточтимое имя, да еще несу по этому поводу всякий вздор. Какое бесстыдство, какой конфуз! Просто трудно в это поверить...

Отец, дорогой, прости... Я тут ни при чем... Помнишь, я послушалась, когда ты посоветовал мне обождать до тех пор, пока не будет чего-то стоящего, о чем писать.

Да, я послушалась тогда, хотя и сделала это по-своему. Обдумав все, вот что я решила:

1) Чтобы совершенствоваться в шведском языке, мне, конечно, необходимо **практиковаться!**

2) Чтобы практиковаться, нужно на чем практиковаться.

3) Единственный для этого способ — продолжать писать, с той лишь разницей, что теперь я делаю это исключительно для практики в шведском языке.

Мне казалось, что во всем этом была несокрушимая логика. И тем не менее с годами я писала все меньше и меньше. Почему?

Я начала все яснее отдавать себе отчет, что мне почти нечего сказать людям. Отец был прав.

И я забросила свои голубые тетрадки.

Но прошло время, у меня родилась дочь, и все снова вернулось. Помню, с каким нетерпением ждала я дня, когда мы сможем начать рассказывать ей сказки. Я готовилась к этому и думала, что уж теперь, во всяком случае, у меня есть для кого писать.

Шло время, и моя дочь успела вырасти, прежде чем я додумалась до того, о какой самой важной вещи мне следует писать.

Вам, наверное, не терпится узнать, что же это за редкая и пугливая птичка. Для таких случаев у оратора должно быть припасено некое откровение аудитории. Но то, на что в конце концов я наткнулась, было столь простым, что я до сих пор не могу понять, почему на это открытие у меня ушло так много лет жизни.

Я внезапно поняла, что дети и взрослые во всем мире не одинаковы. К моей безграничной радости, мне стало очевидно, что нет так называемых «простых» людей, что при ближайшем рассмотрении все мы разные, с нашим собственным, совершенно уникальным опытом. Один день непохож на другой, одно, пусть самое крохотное событие значит не одно и то же для вас и для меня. Не нам судить о важности нашего опыта: то, что не имеет значения для вас, может быть великим для меня и наоборот. И нам просто необходимо иметь возможность делиться своим опытом. Что может быть прекраснее, чем смеяться вместе или вместе грустить! Жить вместе, знать друг друга, ставить себя на место другого — вот в чем счастье! И при этом всегда чувствовать и ощущать, что вы — это вы, а я — это я: у вас своя жизнь, у меня своя. Где-то в глубине собственного «я» мы, возможно, и одиноки, но никогда не покинуты; ибо мы можем быть вместе здесь, теперь, пока мы живем...

Для наших детей чрезвычайно важно испытывать подобное единение уже с ранних лет, видеть, как сильно мы нуждаемся друг в друге. Не только они, дети, нуждаются в нас, взрослых, но и мы тоже сильно нуждаемся в них; они не только принадлежности нашей жизни, мы нуждаемся **в них как в личностях.** Книги — превосходное средство дать детям почувствовать эту нашу взаимозависимость.

Я знаю многих взрослых, которые утверждают, что забыли свое детство. Оно для них — затонувшая Атлантида, потерянный мир. А еще для многих детство было лишь коротким сновидением. Время от времени оно всплывает в них, и это всего лишь беспорядочные обрывки, которые для этих взрослых и трезвых людей представляются бессмысленными. Многие, вспоминая детство, испытывают неудобство, неловкость; то было для них неприятное время незрелости, которое, слава богу, навсегда миновало, уступив место зрелости, мудрости и здравомыслию.

Другие считают, что их детство было несчастным, так что лучше его не вспоминать. Лучше идти вперед и не оглядываться, не впадать в сентиментальную ностальгию. И это верно, я тоже не за сентиментальность. Но — счастливое либо несчастное — детство, как правило, единственное место нашей встречи, единственная ситуация в жизни, где мы можем настичь друг друга, друг друга понять; детство — это то, что является чем-то общим для всех нас; площадка для игр, после которой пути расходятся и мы становимся инструментами и жертвами друг друга в бесконечном калейдоскопе общественных механизмов.

Трагично то, что всегда были и по сей день в мире есть люди, у которых нет детства, потому что вся их жизнь сводится к одному: к борьбе за существование. Но у кого оно было, тому негоже забывать его. Где нам тогда встретиться, если мы забудем его?

Буду искренней до конца. Я не была совершенно счастливым ребенком, но и несчастной тоже не была, все у меня было примерно так, как у большинства детей. Тем не менее детство было почвой, дыханием жизни, из которого я, к счастью для себя, до сих пор могу черпать силы. Кстати, я верю, что наши глубоко укоренившиеся черты прямо связаны с преемственностью между различными стадиями человеческой жизни. Если такой преемственности нет, то человек, по моему мнению, теряет устойчивость и барахтается в пустоте.

Возможно, это звучит как парадокс, но, если лишить людей подлинной «детскости», они становятся инфантильными. Детскость в нас — это, по-моему, та наша часть, которая растет, живет, ищет; часть, которая находится в непрестанном развитии; та наша часть, которая отражает изменяющуюся действительность. А инфантильность — это прекращение роста, нечто высохшее, сморщенное, бесплодное.

Подлинная детскость покоится на воображении, на вере в подлинность воображаемой жизни, которая столь же важна, как и невыдуманная жизнь; без такой детскости мы перестаем быть людьми.

А инфантильность боится фантазии как чумы. «Отстраниться от действительности!» — говорит себе инфантильный человек и в ужасе крестится. А ведь правда как раз в противоположном подходе: нужно жить и уметь видеть в жизни позитивные стороны!

Без живого воображения невозможно стать полноценным взрослым человеком.

Инфантильность становится сейчас огромной опасностью. Стремление к власти инфантильно. Эгоизм инфантилен. Сексуальная истерия инфантильна. Злополучные «проклятые суровые парни» инфантильны. Они эмоциональные калеки, которые играют до сих пор, потому что не научились вовремя играть серьезно, как играет ребенок; возможно, что в детстве у них выбили из рук настоящие игрушки. Вот почему они утратили человеческий облик.

А теперь я скажу о том, как я рада. Несмотря ни на что! Мой отец может думать что угодно, да и Г. Х. Андерсен тоже. А я очень рада. Сказать по правде, я не думала, что смогу решиться на такое далекое путешествие. Это казалось невероятным предприятием. Я сидела дома, в Швеции, в стоящем в лесу домике под небом, усыпанным самоуверенными и чистыми шведскими звездами; на столе горела парафиновая лампа, и одна мысль о путешествии в другой конец света казалась чрезвычайно опасной и неуместной. Кстати, и Андерсен не очень любил уезжать из дома и легко понял бы мои сомнения.

Когда в 1835 году ему предстояло впервые покинуть родину, ему было ни много ни мало тридцать лет, но он был совершенно и твердо уверен, что никогда не вернется из этого путешествия в неизведанное. Из предосторожности перед отъездом он сел и написал автобиографию, в которой подробно рассказал про свое детство, юность и всю «историю своей жизни», так чтобы потомки не остались в неведении относительно его замечательного детства.

Он знал, что делал, знал, что детство надо лелеять и ценить превыше всего! После этого можно ехать куда угодно.

У меня же не было времени написать историю своей жизни. А мир, понятно, стал куда опаснее, чем во времена Г. Х., так что вам нетрудно понять мои опасения.

Но теперь я чувствую себя совершенно счастливой оттого, что нахожусь здесь. И в благодарность за все это, обещаю, буду стараться запечатлеть в своих книгах и мое, и ваше детство. Я всегда буду расценивать медаль Андерсена как воздаяние должного нашему общему детству.

Каждый раз, когда ребенок появляется на свет, для нас всех открывается новая возможность, новый мир, новый смысл и цель, новая эра...

Посмейте же сказать, что у человечества нет надежды! Есть, есть надежда — ее хоть отбавляй!

Перевел с английского В. РАМЗЕС

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова.
Оформление А. В. Громова.
Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5.
Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 18/III 1976 г. Подп. к печ. 21/IV 1976 г. А04864.
Формат $60\times90^{1}/_{8}$. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 491.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Эта песня, посвященная 30-летию Словацкого народного восстания против фашистских захватчиков, прозвучала на Сочинском фестивале в исполнении ее автора, чехословацкого певца Карела Зиха. «Я родился уже после войны, — говорил Карел, — в 1949 году. Казалось бы, я мог с легким сердцем не вспоминать о ней. Но я не имею на это права, как не имеет права забывать о войне и страданиях и о героизме наших отцов ни один мой сверстник. У каждого в истории было свое народное восстание, свое освобождение, и, если мы забудем о том дне, мы не сможем назвать себя честными людьми».

ЭТО ДЕРЕВО НАШЕ

Слова и музыка Карела ЗИХА
Русский текст Вл. ЛУГОВОГО
Аранжировка Н. СЕРЖАНТОВОЙ

Эй, послушай,
Там, за той березой:
Прежде чем раздастся выстрел твой
И взлетят с березы птицы,
Птицы черной стаей —
Пусть от пули той умру,
Знай — ты проиграл игру!

Эй, ты, послушай,
Там, за той березой:
Даже если выстрел твой меня убьет —
Нет тебе спасения —
Игра твоя проиграна.
Слышишь, ты, игра твоя проиграна.

Мстим мы за слезы,
За годы мук.
Эти горы — наши,
Это — наши березы,
Все здесь наше вокруг!

ПРИПЕВ:

Спешит с окрестных гор победа,
Мы — ее посланцы.
Даже если в землю ляжем мы,
Если примем смерть в бою,
Потомки не поверят в это.
И войдут повстанцы
С ними, юными, отважными,
В грядущий мир
В непобедимом их строю!

Индекс 70781

Цена 20 коп.